

На правах рукописи

КАРПОВИЧ Олег Геннадьевич

**СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОНФЛИКТАМИ
В МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ**

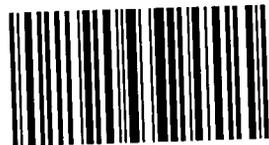
Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития

3 МАЙ 2012

Москва – 2012

005018953

Диссертация выполнена на кафедре политологии и философии политики ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Научный консультант: А.Д. Шутов, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: Б.Н. Бессонов,
доктор философских наук, профессор
А.В. Манойло,
доктор политических наук
Г.А. Рудов,
доктор политических наук, профессор

Ведущая организация: ФГБУН «Институт социально-политических исследований Российской академии наук»

Защита состоится «19» июня 2012 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета по политическим наукам Д 209.001.01 при ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации» по адресу: Москва, Б. Козловский пер., д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Автореферат разослан «19» 04 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор политических наук

С.С. Жильцов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется, в первую очередь, все возрастающим значением, которое играют современные концепции, модели и технологии управления международными конфликтами в миротворческих операциях России, США и ведущих стран Европейского Союза (Великобритании, Франции, Германии).

Несмотря на прилагаемые международным сообществом колоссальные усилия по поддержанию мира, формирование систем коллективной безопасности (поддерживаемых ресурсами военно-политических блоков времен холодной войны, перепрофилированных сегодня под решение задач миротворчества) и стремительную эволюцию стратегических концепций и доктрин миротворческих операций, современный мир продолжает погружаться в состояние глобальной нестабильности. Признаком нарастающего хаоса в международных отношениях становятся международные конфликты, число которых по всему миру неуклонно растет. При этом происходит непрерывная эволюция самих конфликтов, в ходе которой усложняется их внутренняя структура и возникают новые формы (цивилизационные, этнополитические, этноконфессиональные и др.), мало подверженные воздействию традиционных инструментов политического регулирования. Международные конфликты стали одним из ведущих факторов нестабильности в мировой политике: на смену национально-освободительным войнам против колониализма и неоколониализма приходит новое поколение значительно более опасных межцивилизационных конфликтов. Кроме того, современные конфликты становятся точкой пересечения интересов крупнейших мировых акторов: России, США, Китая, ЕС и одновременно полем соприкосновения, взаимопроникновения и столкновения ценностей крупнейших мировых цивилизаций: христианства, конфуцианства и ислама.

Мирному разрешению международных конфликтов препятствует и затянувшийся кризис существующей системы международных институтов, отвечающей с момента заключения ялтинско-потсдамских соглашений за стабилизацию системы международных отношений. Прежде всего этот кризис касается двух ее головных миротворческих организаций – ООН и ОБСЕ. Опыт конфликтов в Персидском заливе, на Балканах, в Афганистане и в других регионах мира выявил в деятельности ООН по управлению международными конфликтами такие системные недостатки, как низкая степень оперативного реагирования на любые изменения политической обстановки, инертность и

медлительность в принятии стратегических решений, неспособность к оперативной мобилизации ресурсов, необходимых для решения задач миротворчества, приверженность в своей деятельности к использованию шаблонов, штампов, морально и технологически устаревших политических процедур. Все это в современных условиях лишь подчеркивает ограниченную способность ООН заниматься осуществлением задачи установления и поддержания мира, а также управлять международными конфликтами в интересах их разрешения.

Кризис возглавляемой ООН миротворческой деятельности неизбежно ведет к возникновению в системе международных отношений новых центров управления конфликтами, стремящихся перехватить у ООН стратегическую инициативу в этой сфере и самим возглавить оперативное управление миротворческими операциями. Эти новые полюса миротворческой деятельности – США и НАТО. Практика участия военных контингентов США и НАТО в конфликтах в Сомали и Боснии в 1990-х гг. стала причиной появления в составе нормативной базы НАТО новых стратегических доктрин, рассматривающих миротворческие операции в качестве одного из основных и приоритетных направлений деятельности блока, а также основной причиной формирования в США «жесткого радикального подхода к управлению конфликтами, основанного на активном и упреждающем применении военной силы»¹.

Однако в среде новых лидеров миротворцев также нет полного согласия в распределении ролей в совместной деятельности по поддержанию мира: в сфере управления международными конфликтами США стремятся подчинить себе политику стран-союзников по блоку НАТО, рассчитывая под этим предлогом получить право распоряжаться их военно-политическими ресурсами. Это не вполне устраивает ведущие европейские государства, прежде всего Францию и Германию, которые, помимо членства в НАТО, входят в Европейский Союз, стремящийся играть самостоятельную роль в международных миротворческих операциях. В силу этих причин многие инициативы США по управлению международными конфликтами встречают в ЕС волну объективной критики, вплоть до полного их неприятия. Не желает доверять Соединенным Штатам функцию контроля над конфликтами и Китай, мнение которого в отношении форм и методов воздействия на них нередко игнорируется. Довольно осторожно к инициативам США в сфере управления конфликтами относится Россия, законное право которой участвовать в миротворческой

¹ В.А. Кременюк. Современный международный конфликт: проблемы управления. //Международные процессы, 2008, 24 апр.

деятельности Вашингтон признает, но на деле стремится всячески ограничить ее влияние в зонах международных конфликтов. Все это снижает эффективность применения англосаксонской модели управления международными конфликтами и уменьшает ее способность переводить существующие конфликты в мирную фазу.

Между тем в условиях обостряющейся борьбы мировых лидеров за власть региональные конфликты могут с легкостью перерастать свои начальные рамки и выливаться в более масштабные столкновения, вплоть до глобальных войн. Ярким примером может служить война в Ливии (2011 г.), показавшая, насколько быстро в современных условиях отдельные выступления слабых и разрозненных групп, недовольных правящим режимом, могут перерасти сначала в вооруженные столкновения, затем в гражданскую войну и, в результате вмешательства США и НАТО, - в крупный международный конфликт.

Использование международных конфликтов в качестве повода для вмешательства во внутренние дела стран-участников и фактического установления над ними (под предлогом «гуманитарных интервенций») своего протектората не устраняет первопричины конфликтов. Напротив, это нередко становится причиной их обострения, перехода в малоуправляемую, затяжную фазу и вовлечения в конфликты новых участников. Примером могут служить военные компании США и НАТО в Ираке и Афганистане, на Балканах, в Ливии. При этом в конфликтах последних лет все большую роль играют современные технологии информационно-психологического воздействия, что наглядно подтвердила война в Южной Осетии, начатая Грузией с негласного одобрения США в августе 2008 г. Как указал Президент России Д.А. Медведев, в войне в Южной Осетии «нынешняя система безопасности оказалась взломана и, к сожалению, показала свою абсолютную несостоятельность»². В этом международном конфликте нового поколения между Россией и грузинскими агрессорами (поддерживаемыми США) развернулась настоящая информационно-психологическая война, в ходе которой против России были использованы новейшие западные разработки в области технологий управления массовым сознанием и международным общественным мнением, а реакция западных СМИ показала, «в какой степени нынешняя реальность определяется не подлинными событиями, а их информационной имитацией»³. Это требует проведение научного анализа, осмысления и

² Выступление Президента РФ Д.А. Медведева на встрече с представителями российских общественных организаций, 19.09.2008 // www.rambler.ru/news/politics/medvedev/23462359.html

³ Выступление С.М. Миронова на международной конференции «Информационные войны в современном мире», 02.10.2008. // www.spravedlivo.ru

обобщения результатов расширяющейся американской экспансии и оправданности применяемых ими технологий управления международными конфликтами.

Сложившаяся ситуация требует от мирового сообщества не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликты, но и формирования новых парадигм управления ими. Такой парадигмой сегодня становятся концепции и модели управления конфликтами с помощью технологий информационно-психологического воздействия, основанные на культурно-цивилизационных традициях. Помимо англосаксонской модели информационно-психологического управления конфликтами, свои культурно-цивилизационные и национально-государственные модели предлагают ведущие страны Западной Европы (Германия, Франция), Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Вьетнам) и Ближнего Востока (исламский мир). Сегодня все эти модели еще находятся в стадии внешне бесконфликтного сосуществования и даже в некоторых случаях дополняют друг друга. Однако этот временно установившийся баланс сил может измениться в любой момент.

Россия возвращается в мировую политику в качестве одного из ключевых игроков и сегодня как никогда заинтересована в укреплении своих позиций в стратегически значимых регионах Земного шара, в которых протекают наиболее опасные международные конфликты. В основном, это страны т.н. «третьего мира»: молодые государства Азии, Африки и Латинской Америки. Основа для этого есть: во всех названных государствах традиционно высоким был авторитет Советского Союза. Возвращение России в эти регионы в виде миротворца – вопрос не только экономической целесообразности, но и международного престижа. К тому же Россия имеет обширный и разнообразный опыт миротворческой деятельности на пространстве СНГ, востребованный в современных условиях. Однако, помимо опыта, ключевым условием успешности России в управлении международными конфликтами является наличие собственной культурно-цивилизационной модели, основанной на национальных технологиях информационно-психологического воздействия. Только выработка собственной модели управления конфликтами позволит России занять достойное место среди уже утвердившихся на этом поле внешнеполитических игроков, каждый из которых в управлении международными конфликтами опирается на собственную культурно-цивилизационную парадигму. При этом российская модель должна не дублировать уже существующие западные или восточные аналоги, а предлагать участникам конфликтов более оптимальную альтернативу.

Какой именно должна быть российская модель и каким именно требованиям она должна удовлетворять, должен показать сравнительный политологический анализ эффективности

уже существующих западных концепций и моделей управления конфликтами, а также практики их применения, особенно на примерах тех конфликтов, где эти модели демонстрируют ограниченную способность к мирному разрешению существующих противоречий и проявляют различные системные недостатки. Именно способность разрешать тупиковые, с точки зрения западных подходов, конфликтные ситуации обеспечит российской модели высокую конкурентоспособность и привлекательность в деле поддержания и укрепления мира. Все эти доводы в совокупности и определяют высокую актуальность и значимость настоящей работы, приведенных в ней выводов и практических рекомендаций.

Степень научной разработанности темы исследования. При исследовании современных концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами, применяемых, в частности, США, Россией и ЕС в миротворческих операциях, автор опирался на значительный массив исторических документов, международных конвенций и соглашений, нормативных правовых актов, научных публикаций и справочных материалов в области мировой политики и теории международных отношений, дипломатии, сравнительной политологии, политической социологии и психологии, международного права, политической конфликтологии и теории управления политическими конфликтами. Российские источники, посвященные исследованию проблем использования в миротворческих операциях современных концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами, в том числе технологий информационного воздействия на массовое и индивидуальное сознание участников конфликтов, можно разделить на несколько основных групп.

К первой группе источников относятся международные конвенции и соглашения, доктрины, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность высших органов государственной власти в сфере организации и проведения миротворческих операций, урегулирования и разрешения международных конфликтов⁴. В

⁴ Конституция Российской Федерации. – М.1994; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000. 28 сент.; Внешняя политика России: Сборник документов. 1993-2004 гг. (в 14 кн.) / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М.: Международные отношения, 2000-2008 гг.; Устав ООН. В кн.: Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч.1.- М. Проспект, 2006.; Декларация принципов построения информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества. Женева 2003-Тунис 2005. Док. WSIS-

них сформулированы концептуальные основы и приоритеты внешней политики Российской Федерации по поддержанию мира в зонах международной напряженности, урегулированию и разрешению международных конфликтов, в том числе в рамках прямого участия России в миротворческих операциях, проводимых самостоятельно либо под эгидой ООН. Однако, в прямой постановке роль современных концепций и технологий управления международными конфликтами в современных миротворческих операциях не получила достаточного исследования.

Ко второй группе источников относятся работы авторов в области мировой политики и международных отношений, дипломатии, сравнительной политологии и политической конфликтологии, посвященные исследованию существующей политической практики и общепринятых политических процедур разрешения международных конфликтов, а также поиску эффективных способов, методов и технологий управления ими: Т.А. Алексеевой, Л.Н. Алисовой, А.Р. Аклаева, Е.П. Бажанова, А.Д. Богатурова, И.А. Василенко, Л.М. Воробьевой, А.Д. Воскресенского, К.С. Гаджиева, А.В. Глухой, З.Т. Голенковой, Г.А. Гудова, Ю. Дубинина, С.А. Егорова, С.С. Жильцова, А.Г. Задохина, Т.А. Закаурицевой, И. Иванова, О.П. Иванова, А.Г. Здравомыслова, Г.Г. Кадымова, В.И. Коваленко, В.С. Комаровского, Н.А. Косолапова, В.А. Кременюка, С.В. Лаврова, М.М. Лебедевой, В.Ф. Ли, М.Ю. Мартыновой, А.Ю. Мельвиля, А.В. Митрофановой, Т.Н. Мозель, А.С. Панарина, Е.М. Примакова, В.П.

03/Geneva/Док.4/R.12.12.2003.; Закон Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 г. в ред. Закона РФ от 25.12.92 № 4235-1.; Концепция внешней политики Российской Федерации от 12.07.2008 г. №ГП-1440; Обзор внешней политики Российской Федерации от 27.03.2007 г.; Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2007 году. Обзор МИД России. 2008, март. – www.mid.ru; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента РФ от 12.03.2009 г. № 537. // Российская газета. 2009. 13 мая; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7.02.2008 г. №ГП-212 // Российская газета. 2008. 16 фев.; Основы государственной политики в области обеспечения информационно-психологической безопасности. Проект. М.: Институт психологии РАН, 2000.; Принципы, касающиеся международной информационной безопасности. Проект. Материалы МИД РФ. - М., 2000.; Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Резюме выводов. - Прага, 1992.; Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. №1300, в ред. Указа Президента РФ от 10.01.2000 №24.; Указ Президента Российской Федерации от 24.12.93 №2288. «О мерах по приведению законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации»; и др.

Пугачева, Я.А. Пляйса, Г.А. Рудова, А.И. Соловьева, А.В. Уткина, Д.М. Фельдмана, Д.Б. Фролова, П.А. Цыганкова, А.П. Цыганкова, Е.Б. Шестопап, В.В. Штоля, А.Д. Шутова, и др.⁵

В исследовании проблем урегулирования современных конфликтов и управления ими в миротворческих операциях автором использован аппарат политической конфликтологии и сравнительной политологии. Отдельно следует отметить появившиеся сравнительно недавно фундаментальные работы по политической психологии и психологии управления конфликтом, такие как монография Н.В. Гришиной «Психология конфликта» (2005 г.)⁶, монография Л.Н. Алисовой, З.Т. Голенковой «Политическая социология» (2000 г.)⁷, рассматривающие вопросы управления международными конфликтами с позиций

⁵ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Мир и война. - М., 2011; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. - М., 2010; Бажанов Е.П., Современный мир. Избранные труды. - М., 2004. Цыганков П.А. Международные отношения. М., 1996; Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. - М., 1994.; Цыганков П.А. Теория международных отношений. Хрестоматия. Москва: Гардарики. - 2002.; Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. Учебное пособие. - М. - 1995.; Шмелев Б.А. Балканский кризис. Центрально-восточная Европа во второй половине XX века. ТЗч1. М.2002.; Алисова Л.Н., Голенкова З.Т. Политическая социология. - М.: Мысль. - 2000.; Василенко И.А. Сравнительная политология. М. 2009; Василенко И.А. Политические переговоры. М. 2006.; Соловьёв А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2001; Аклаев А.Р., Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. - М., Изд.-во «Дело», 2005.; Богатуров А.Д. /Ред./, Системная история международных отношений, 1918-2003, в 4 т. - М. 2003.; Пляйс А.Я. Творческий потенциал российского политологического сообщества. Основные направления исследования // Полис. 1999. № 6; Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / По ред. Шестопап Е.Б. М., 2002; Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб. 2005.; Комаровский В.С. Политическая идентификация России в свете идеологием «суверенной демократии» // Научный эксперт. 2008. № 2; Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика. М., 2000.; Дубинин Ю., Мастерство переговоров. - М.2007.; Уткин А.В. США, НАТО, ЕС // США, Канада: Экономика, Политика, Культура. - 1997. - №10, - С.27-35; Захаров Ю.С. Трансатлантические отношения // Мировая экономика и международные отношения. -1999. - №2. - С 32-40; Батюк В.И. Миротворческая деятельность ООН и великие державы // США: Экономика, политика, идеология. -1996. - №12. - С. 22-28.; Кременюк В.А. Международные конфликты: проблемы управления и контроля. М., 2006. Кременюк В.А. Современный международный конфликт: проблемы управления. //Международные процессы, 2008, 24 апр.; Здравомыслов А.Г., Социология конфликта. М. 1996.; Манойло А.В. Актуальные вопросы модернизации современной культурно-цивилизационной теории управления международными конфликтами.//Национальная безопасность. - 2011. - №4. - С.60-66.; Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. - М.: Аспект Пресс., 1999.; Лебедева М.М., Мировая политика. - М.2003.; Практическая психология для дипломатов. М. 2007. и др.

⁶ Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб. 2005.

современной социологической науки. Появление названных работ поднимает задачи исследования современных моделей и технологий управления международными конфликтами на общепроблемный уровень значимости.

Современная теория и практика управления этнополитическими конфликтами содержится в трудах Р.Г. Абдулатипова, М.В. Иордана, К.В. Козловой, В.А. Михайлова, В.Г. Смолянского и др. Проблемы межнациональных отношений в международных конфликтах в связи с вопросами национального самосознания нашли отражение в работах Л.Ф. Болтенковой, А.И. Доронченкова, Л.М. Дробижевой, К.В. Калининной, Б.А. Камкия, Г.И. Королевой-Конопляной, А.А. Мацнева, М.М. Назарова, В.А. Печенева, Г.Т. Тавадова, А.А. Чичановского, Ю.Ф. Ярова и др. Ряд работ посвящен изучению различных аспектов и причин возникновения конфликтных ситуаций в международных отношениях, а также условий и методов их урегулирования. В этой связи важное значение имеют исследования, посвященные разработке механизмов предотвращения и разрешения международных этнополитических конфликтов. Этим проблемам посвящены работы Л.А. Байсовой, А. Дзадзиева, Л. Дзугаева, И.В. Ладодо, В.К. Мальковой, Д.М. Фельдмана. Следует также отметить кандидатские и докторские диссертации по тематике урегулирования и разрешения политических конфликтов: это работы В.В. Амелина, О.И. Аршба, И.Н. Кленова, Н.Р. Маликова, А.В. Манойло, Н.П. Настасюк, А.С. Сергеева, В.Д. Шуверовой, Н.А. Федоровой, В.И. Фенухина, Л.Д. Хоперской и др.⁸

⁷ Алисова Л.Н., Голенкова З.Т. Политическая социология. – М.: Мысль. – 2000.

⁸ Амелин В.В. Межнациональные конфликты в республиках Средней Азии. Место и роль политических партий, общественных движений в их разрешении. Дисс. ... к. ист. наук. – М., 1992; Амелин В.В. Этнополитические конфликты в границах советской и постсоветской государственности, вторая половина 80-х - середина 90-х годов (опыт исторического исследования). Дисс... д. ист. н. - М., 1995; Кленов И.Н. Этнополитический конфликт: генезис, сущность, пути урегулирования. Дисс...к. полит. н. – М., 1996; Маликова Н.Р. Межнациональное общение: взаимодействие в согласии и конфликте (этносоциальный анализ на материалах Азербайджана). Дисс...д.соц. наук. -М., 1993; Манойло А.В. Роль культурно-цивилизационных моделей и технологий информационно-психологического воздействия в разрешении международных конфликтов. Дисс...д.полит. наук. -М., 2009; Настасюк Н.П. Геополитические факторы возникновения и развития этнических конфликтов (на примере Приднестровья). Дисс... к.полит.н. – СПб., 1994; Сергеев А.С. Межнациональные конфликты в Российской Федерации: государственно-правовые проблемы. Дисс... к.ист. наук. – М., 1993; Федорова Н.А. Этнонациональные конфликты как объект государственного управления (социологический аспект): Автореф. дис. ... к.соц.н./ Поволж. АГС. - Саратов, 2000;Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России (на примере Северо-Кавказского региона): Автореф. дис. ... к. полит.н./ Моск. гос. открыт. пед. ун-т. - М., 2002; Шуверова

В перечисленных работах подчеркивается необходимость разработки и передачи в распоряжение миротворческих миссий эффективного инструментария оказания внешнего управляющего воздействия на ход и течение конфликтов, способного направить их развитие в мирное русло, к поиску взаимоприемлемого согласия для всех вовлеченных в него сторон. К числу таких инструментов многие авторы относят современные способы и технологии информационно-психологического воздействия. Однако при этом также признается, что в настоящий момент в распоряжении российских миротворческих сил такой набор инструментов фактически отсутствует; зарубежная практика управления международными конфликтами, основанная на использовании новейших технологий психологического воздействия на участников конфликта и на все заинтересованные стороны, рассматривается в отечественных исследованиях в основном на частных примерах и ограничивается общими заключениями, не позволяющими сформировать системное представление о роли современных моделей и технологий управления международными конфликтами в деятельности по их урегулированию и разрешению.

К третьей группе относятся работы авторов в области теории международных отношений и международной дипломатии, исследующих современные концепции и доктрины миротворческих операций США и стран НАТО, а также концепции, модели, методы и технологии управления международными конфликтами, являющиеся неотъемлемой составляющей современной миротворческой деятельности стран Запада.

Концепции современных миротворческих операций исследованы в работах видных отечественных ученых: Е.П. Бажанова, А.Д. Богатурова, А.Д. Воскресенского, А.И. Гушера, Т.А. Закаурцевой, Т.В. Зоновой, О.П. Иванова, В.М. Ильина, В.А. Кременюка, В.М. Кулагина, М.М. Лебедевой, А.Ю. Мельвиля, М.М. Наринского, А.И. Никитина, Е.М. Примакова, А.В. Торкунова, Д.М. Фельдмана, В.В. Штоля, в которых дается глубокий анализ глобальных политических, экономических и общественных трансформаций, происходящих на мировой арене после окончания «холодной войны», расширения числа акторов мировой политики и сфер международного взаимодействия. Важное значение в исследовании сыграли труды отечественных ученых, посвященные тематике международных институтов, прежде

всего Г.И. Морозова⁹, Т.Г. Пархалиной¹⁰, В.Н. Федорова¹¹, Ю.В. Федотова¹². Также можно отметить публикации таких отечественных специалистов, занимающихся исследованием проблем миротворчества, как О.Н. Барабанова,¹³ Т.В. Бордачева,¹⁴ Е.Ю. Гуськова¹⁵, В.Ф. Заемский, В.М. Кулагина¹⁶, В.Ф. Пряхина,¹⁷ Ю.В. Федотова,¹⁸ О.О. Хохлышева,¹⁹ А.В. Худайкулова.²⁰ Значительный вклад в разработку миротворческой проблематики в

⁹ Морозов Г.И., Обновление ООН: программа реформ // *Международная жизнь*. – 1998. -№ 4.; Морозов Г.И. *Международный терроризм // США: экономика, политика, идеология*. - 1997. - №12. – 73 с.

¹⁰ Пархалина Т.Г. Россия и НАТО: проблемы восприятия // *Актуальные проблемы Европы: Европа и мир*. -2000, - № 2. – С. 45-55.

¹¹ Федоров В.Н. Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке. – М.: Логос, 2007.

¹² Федотов Ю.В. ООН – гарант международного мира и стабильности // *Международная жизнь*. – 2003. – N 11. – С. 36-44.; Федотов Ю.В. Современные вызовы многосторонности и ООН // *Международная жизнь*. – 2004. – N 3. – С. 9-20.

¹³ Барабанов О. Н. *Право и сила в разрешении конфликтов. Новые подходы к проблеме гуманитарной интервенции / Конфликты в современном мире; под ред. М. М. Лебедевой*. – М. : МОНФ, 2001.; Барабанов О.Н., Терещенко В.В., Голицын В.А. *Глобальное управление*. – М. : МГИМО, 2006.;

¹⁴ Бордачев Т. В. «Новый интервенционализм» и современное миротворчество. - М. 1998.

¹⁵ Гуськова Е.Ю. Кризис в Косове. История и современность / *Внешняя политика и безопасность современной России (1991-2002) / Сост. Т.А. Шакленна // Хрестоматия в 4 т. Исследования*. – М.: МГИМО-РАМИ-ИНО-Центр, РОССПЭН, 2002. – 496 с.

¹⁶ Кулагин В.М. *Международная безопасность*. –М., 2007. – 319 с.

¹⁷ Пряхин В.Ф. Роль России в урегулировании региональных конфликтов на постсоветском пространстве/ *Десять лет внешней политики России: Материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований*; под ред. А.В. Торкунова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.- 784 с.

¹⁸ Федотов Ю.В. ООН – гарант международного мира и стабильности // *Международная жизнь*. – 2003. – N 11. – С. 36-44.; Федотов Ю.В. Современные вызовы многосторонности и ООН // *Международная жизнь*. – 2004. – N 3. – С. 9-20.

¹⁹ Хохлышева О.О. *Миропонимание, Миротворчество, Миросохранение: Опыт XX столетия*. - Нижний Новгород: ННГУ, 2002. – 549 с.; Хохлышева О.О. *Разоружение, Безопасность, Миротворчество: Глобальный масштаб*. - Нижний Новгород: ННГУ, 2000.

²⁰ Худайкулова А.В. *Гуманитарное вмешательство как новый вид современной миротворческой практики / Современные проблемы мировой политики: безопасность, конфликты и их анализ; под ред. М.М. Лебедевой*. - М., 2002. – С. 7-47.

отечественной науке вносят труды профессора МГИМО (У) МИД России А.И. Никитина²¹, посвященные системному исследованию миротворческого направления международного взаимодействия, сравнительному анализу миротворческих операций, отражению этапов формирования российской политики в сфере организации и проведения миротворческих операций.

Миротворческие операции в настоящей работе являются рамочным фактором, ограничивающим поле исследования практики применения технологий воздействия на конфликты и управления ими. Вместе с тем, работы отечественных авторов, посвященные проблемам миротворчества, ограничиваются рассмотрением организационно-правовых сторон этой деятельности, официальных концепций, процедур и доктрин и почти не касаются применяемых США и странами НАТО новейших инструментов и технологий воздействия на конфликты, делающие их управляемыми.

К четвертой группе источников относятся работы авторов, исследующих принципы, модели и технологии управления международными конфликтами на базе культурно-цивилизационного подхода.

В исследовании и классификации культурно-цивилизационных моделей психологического воздействия на конфликты автором использованы труды видных ученых-западников и востоковедов Е.П. Бажанова, А.Д. Воскресенского, Г.Г. Кадымова, А.В. Торкунова и др. Представляется правомерным отметить работы А.Г. Задохина, в которых международные конфликты на Балканах представлены в рамках общего культурно-цивилизационного подхода²², и А.В. Манойло, разработавшего концепцию управления международными конфликтами, базирующуюся на культурно-цивилизационных моделях и технологиях информационно-психологического воздействия²³. Опираясь на эти труды, автор

²¹ Никитин А. И., Хлестов О.Н, Федоров Ю.Е., Демуренко А.В. Миротворческие операции в СНГ: международно-правовые, политические, организационные аспекты. –М.: МОНФ, 1998.; Никитин А.И. Миротворческие операции: мировая практика и опыт СНГ. –М.: МГИМО, 2000.; Никитин А.И., Международные конфликты и проблемы миротворчества. –М., 2002 г.; Никитин А.И. Миротворческие операции: концепции и практика / Моск. обществ. науч. фонд. Центр полит. и междунар. исслед. - М.: Издат. центр науч. и учеб. прогр., 2000.; Никитин А.И. Международные конфликты и проблемы миротворчества /Торкунов А.В. Современные международные отношения и мировая политика.- М.: 2005 (2-е издание).

²² Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы: Балканские войны XX в. М.2000.

²³ Манойло А.В. Технологии несилевого разрешения современных конфликтов. / А.В. Манойло; под ред. проф. А.И. Петренко. – М.: Горячая линия – Телеком, 2008; Манойло А.В.

рассматривал сложившиеся на сегодня модели управления международными конфликтами, имеющие культурно-цивилизационную специфику.

В последнее время появились работы революционного характера, рассматривающие управление конфликтами в рамках системы культурно-цивилизационных моделей, таких как англосаксонская или романо-германская, и заметно меняющие существующие сегодня представления о базовых принципах, механизмах и закономерностях управления конфликтами. Однако этот сравнительно молодой подход требует дальнейшего развития, точного описания и уточнения индивидуальных характеристик каждой из моделей в интересах их самоидентификации и изучения устойчивости функционирования в условиях конкуренции с другими моделями.

К пятой группе относятся работы авторов, посвященные исследованию сущности и содержания воздействия современных информационно-психологических методов и технологий на массовое и индивидуальное сознание людей, в том числе в зонах международных конфликтов и за их пределами: Э.А. Галумова, Г.В. Грачева, Н.В. Гришиной, Е.Л. Доценко, С. Кара-Мурзы, Э. Кассирэра, И.К. Мельника, А.И. Петренко, М.В. Реуцкого, Е.Б. Шестопал и др.

К шестой группе источников относятся исследования по общим проблемам обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и государственной информационной политики: А.В. Возженникова, С.Н. Гриняева, А.В. Манойло, Б.П. Пальчуна, А.И. Петренко, В.Д. Попова, А.А. Прохожева, А.А. Стрельцова, Д.Б. Фролова и др. Важное место в указанных источниках занимают работы, посвященные роли технологий информационно-психологической войны в системе инструментов управления международными конфликтами.

В исследовании также использованы научные работы и публикации в СМИ зарубежных политиков, дипломатов и ученых-международников²⁴, посвященные исследованию

Несиловое регулирование международных конфликтов. Культурно-цивилизационные парадигмы. // Космополис. -2008. - №2. – С.168-174. и др.

²⁴ Лебон Г., Психология народов и масс. - СПб, 1995.; Тойнби А.Дж., Цивилизация перед судом истории, Сборник. - М.1995.; Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. - М.1999.; Хассен С. Контроль сознания и феномен культа. - М.2000.; Фишер Р., Юри У., Паттон Б., Переговоры без поражения. Гарвардский метод. - М.2007.; Кейтнер Дж., Увядание посредничества//Социальный конфликт, 1998. - №4.; Amstutz M.R. An Introduction to Political Science: The Management of Conflict. - Glenview (Illinois), Scott, Foresman and Company, 1982.; Joseph S. Nye. Soft Power. The Means to success in world politics//N.Y. Public Affairs, 2004.; Коэн Дж., Арато Э.

современной практики планирования, организации и осуществления миротворческих операций в зонах международных конфликтов, проблемам мирного урегулирования и разрешения конфликтов в «горячих точках» планеты, адекватности существующих процедур их политического регулирования, в том числе раскрывающие особенности применения в миротворческих и военных операциях современных технологий управления международными конфликтами, основанными на факторе психологического воздействия. Труды этих авторов составляют **седьмую группу источников**. В работах западных авторов можно встретить прямые указания на технологии управления международными конфликтами, включая их детальное описание. В качестве примера можно привести труды В. Лефевра, посвященные технологиям рефлексивного управления, которые действительно широко применяются ВС США в своих специальных операциях (в том числе миротворческих) по всему миру.

Значительное внимание зарубежных исследователей привлекают проблемы организации и проведения миротворческих операций²⁵, в рамках которых западная наука рассматривает (в

Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. М., 2003; Хантингтон С. Кто мы. Пер. с англ. М., 2004; Barry N. An Introduction to Modern Political theory. L., 1982; Huntington S. Political Order in changing Societies. New Haven, 1968; Harley I.A. Role of Information Warfare. Truth and Myths. - NTIS, Naval War College. AP-A307348. USA, 1996.; Bennett W.L. News: The politics of illusion (2nd ed.). - New York: Longman, 1988.; Aspin L. New NATO, New Europe. 2002.; Information Warfare: Implications for Arms Control. Kings College London, ICSA. UK, 1998.; Declaration of Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council held at NATO HQs. 10-11 Jan. 1994 // NATO Review. - 1994. - Febr. - Vol. 42. - # 1.; Harris R.J., A cognitive psychology of mass communication (3rd ed.). - Mahwah, NJ: Erlbaum, 1999.; Peace Building.-(phl)(12.10.2005); Preparing Peacekeepers For Challenges of Today. - (http://)(13.09.2004); Daily Highlights. - (www. Documents)(15.09.2004) Keohane R., Wye D., Power and Interdependence. World politics in Transition. - NY 2000.; Libicki M.C. What is Information Warfare? -Washington, D.C. National Defense University Press, 1995.; U.S. Department of Defense. FY04 report for Congress on the military power of the People's Republic of China. и др.

²⁵ Andersson, A "Democracies and UN Peacekeeping Operations, 1990-1996"; Concluding Report 1997-2002 – "Challenges of Peace Operations: Into the 21st Century"; Damrosch. L. "The Role of the Great Powers in United Nations Peacekeeping"; Durch, William J. "The Evolution of U.N. Peacekeeping: Case Studies and Comparative Analysis"; Goulding, M. "The evolution of United Nations peacekeeping"; Fetherston. A. "Towards a Theory of United Nations Peacekeeping"; Fisas, V. "Blue Geopolitics: the United Nations Reform and the Future of the Blue Helmets"; International Peacekeeping "Special Issue: Managing Armed conflicts in the 21st Century"; Jakobson, P. "Overload, Not Marginalization Threatens UN Peacekeeping"; MacFarlane, S. ed. "Peacekeeping at a Crossroads"; MacKinlay, J. and Chopra J. "Second Generation Multinational Operations"; Malan. M. "Peacekeeping in the New Millennium: Fourth Generation Peace Operations?"; Oaklay, R., Dziedzic, M. Goldberg, E. eds. "Policing the New World Disorder: Peace Operation and Public Security"; Thakur, R. and Cartlyle A. eds. "A Crisis of Expectations: UN Peacekeeping

основном) задачи урегулирования, разрешения и управления международными конфликтами. Среди этой группы источников необходимо отметить работы Дж. Доббинса²⁶, Р. Кохана²⁷, Д. Майса²⁸, Х. Никольсона²⁹, Дж. Чопра³⁰, Д. Лейка и Д. Ротшильда³¹, С.Дж. Стедмена³², Б. Уркхарта³³, Г. Шмидта³⁴ и др. Современный опыт участия неправительственных организаций в управлении международным конфликтами также представлен в публикациях ученых Германии.³⁵

Отдельную категорию среди указанных источников составляют официальные нормативные документы, концепции и доктрины миротворческой деятельности ООН

in the 1990s.”; Thakur, Ramesh, “The United Nations in a Changing World”; Woodhouse, T., Bruce, R. and Dando, M. eds. "Peacekeeping and peacemaking: Towards Effective Intervention in Post-Cold War Conflicts" и др.

²⁶ Dobbins J. The RAND History of National Building. RAND Corporation, 2005.; Dobbins James. Iraq: Winning the Unwinnable War // Foreign Affairs, V84, N1, Jan/Feb 2005.; Dobbins James, Jones Seth G., Crane Keith, Rathmell Andrew, Steele Brett, Teltschik Richard and Timilsina Anga. The UN's Role in Nation-building: From the Congo to Iraq. Santa Monica, 2005.

²⁷ Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. – N.Y.: Longman Publishers, 2000.; Keohane, Robert. Public Delegation of Terrorism and Coalition Politics / Worlds in Collision: Terror and the Future of Global Order. Ed. by Booth, Ken and Dunne, Tim. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002. 143 pp.

²⁸ Mays Terry. Historical Dictionary of Multinational Peacekeeping. Second ed., Oxford, 2004. 319 pp.

²⁹ Nicolson H. Diplomacy. -L., 1969. 203 pp.; Nicolson H. Evolution of Diplomatic Method. -L., 1959. 125.

³⁰ Chopra Jarat and Hohe Tanja. Participatory Intervention // Global Governance. -2004. V10.; Chopra, Jarat. The Politics of Peace-Maintenance. -Boulder/London, 1997. 150 pp; Chopra J/ Mackinlay J. A Second Generation Multinational operation// The Washington Quarterly Vol. 15, No. 3 (Summer 1992). 1992. – P. 113-131.

³¹ Lake D., Rotchild D. The International Spread of Ethnic Conflict. -Princeton Univ. Press, 1998. 392 pp.

³² Stedman Stephen. International Implementation of Peace Agreements in Civil Wars: Findings from a Study of Sixteen Cases / Chester A. Crocker, Fen Osier Hampson, Pamela Aall (Hg.): Turbulent Peace. The Challenges of Managing International Conflict. -Washington D.C., 2001.

³³ Уркхарт Б. Объединенные Нации в XXI веке // Россия в глобальной политике. -2004. -№4 Том 2.

³⁴ Шмидт Г. Бремя глобальной ответственности // Россия в глобальной политике.2002. № 1. С. 20-31.

³⁵ Austin A., Fischer M., Ropers N. (Eds.). Transforming Ethnopolitical Conflict. The Berghof Handbook. Wiesbaden, 2004; # Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика. М., 2004, изданной в рамках проекта ТАСИС «Улучшение межэтнических отношений в Российской Федерации».

(резолюции СБ ООН, доклады Генерального секретаря ООН, решения Генеральной Ассамблеи ООН)³⁶ и наиболее активных акторов-миротворцев, выступающих в миротворческих операциях как самостоятельно, так и в составе военно-политических альянсов (НАТО)³⁷.

Значительный массив источников представляют собой работы авторов, посвященные проблемам реформирования ООН и связанной с этим эволюции концепций миротворческой деятельности³⁸. Стратегия реформирования миротворческого звена коллективной безопасности членов мирового сообщества, его адаптации к вызовам глобализации, традиционным и новым угрозам изложена в Докладе Генерального секретаря ООН Б. Гали

³⁶ Центр документации ООН. - (1.05.2011); Charter of the United Nations, 1945 II World Documents. Basic Documents on Conflict Resolution, Human Rights and International Humanitarian Law. - Uppsala, 1986. - 68 p.; Устав ООН, 1945 II Действующее международное право- М, 1997. - Т. I. -106 с.; United Nations Archives (UN Archives). Office of the Secretary-General. Papers of the Secretary-General, 1987-2010. (DAG) и др.

³⁷ Foreign Policy of the United States. 1946-1968. Washington, 1969-2002.100 United States Congress. House of Representatives. Committee on Foreign Affairs. The Cost of World Peacekeeping, September 1966. Washington, 1966; United States Congress. House of Representatives. Committee on Foreign Affairs. The United Nations Peacekeeping Dilemma. Report by Senator C. P. Case, April, 1967. Washington, 1967; UN Peacekeeping. Hearings before Subcommittee of the Committee on Foreign Relations United States Senate Ninetieth Congress. Second Session, May I - 2, 1968. Washington, 1968.101

³⁸ Reforming the United Nations: a closer look at the Annan report", The Hague: Advisory Council on International Affairs, 2005; Preston, J., "The politics of world federation, United Nations, UN reform, atomic control", Westport, Praeger, 2004, "New political act for the United Nations for the 21st century: proposals and concepts" edited by Rotfeld, A.D., Warsaw: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs, 2004; Schwartzberg J.E., "Revitalizing the United Nations: reform through weighted voting", New York: Institute for Global Policy, World Federalist Movement, 2004; "The United Nations: the state of its efficacy and reform" – hearing before the Subcommittee on International Operations of the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Sixth Congress, second session, May 10, 2000, Washington, D.C.: U.S. G.P.O., 2000; "United Nations: reform initiatives have strengthened operations, but overall objectives have not yet been achieved", United States General Accounting Office, Washington, D.C., The Office, 2000; Klingebiel, S. "Effectiveness and reform of the United Nations Development Programme (UNDP)", London; Portland, Or.: Frank Cass, 1999; "An agenda for reform of the United Nations", World Federalists of Canada, Ottawa, 1998; "What price peace?: and United Nations reform", Anstee, M., Round table paper, No. 346 April 1998, pages 227-233; "Making UN reform work: improving Member State-Secretariat relations: report of the twenty-eighth United Nations Issues Conference", Muscatine, Iowa: Stanley Foundation, 1997.; Franda, Marcus F., "The United Nations in the twenty-first century: management and reform processes in a troubled organization", Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2006, USA.; Гулдинг, Маррак, "Организация Объединённых Наций: лидерство, реформы и миротворчество", Рабочие Материалы №2, 2007, Московский центр Карнеги.

«Повестка дня для мира». Этот документ является знаковым этапом как в практическом развитии, так и в научном осмыслении международного миротворчества.

Вместе с тем, в западных источниках, также как и в российских публикациях, не существует целостного исследования, охватывающего все многообразие международной деятельности по управлению современными конфликтами в интересах их мирного урегулирования либо разрешения. В трудах многих западных авторов наблюдается склонность к чересчур глобальным обобщениям, а также к концентрации внимания на сугубо частных моментах, не позволяющих составить четкого и объективного представления о роли и месте современных концепций управления конфликтами в миротворческих операциях стран Запада. Кроме того, отсутствуют фундаментальные исследования, посвященные вкладу российских миротворцев в управление современными конфликтами в странах третьего мира. Большинство публикаций рассматривают российское миротворчество фрагментарно, в основном в контексте проблем антикризисной политики ООН. При этом существует весьма значительный разброс оценок, мнений и позиций. Анализ западных источников свидетельствует о том, что изучение опыта участия России в миротворческих операциях под эгидой ООН, в том числе российского опыта по управлению международными конфликтами, все еще остается малоизученным направлением научных исследований.

Гипотеза исследования включает в себя следующие положения:

1. В эволюции международных конфликтов возникла новая фаза – межцивилизационная. В этой фазе консолидация сил, средств и ресурсов его участников строится по принципу принадлежности к определенной культуре или цивилизации, что позволяет объединять и мобилизовывать намного более значительные людские и материальные ресурсы, а статус локальных конфликтов поднимать до уровня межцивилизационного противостояния. Концепция столкновения цивилизаций – это механизм мобилизации ресурсов нового поколения: он превосходит возможности национально-государственной идеологии, способной для участия в конфликте мобилизовать (по национальному признаку) ресурсы одного государства и его политических союзников. В конфликтах нового поколения мобилизация ресурсов идет на ментальном уровне, объединяющем трансграничные и многонациональные массы людей, принадлежащих к общей цивилизационной парадигме или культурной традиции.

2. Межцивилизационные конфликты в международной практике повсеместно вытесняют традиционные формы конфликтов, построенные на столкновении интересов

наций-государств (т.н. институциональные конфликты). Это ведет к тому, что на смену институциональным методам урегулирования конфликтов приходят культурно-цивилизационные модели внешнего управления, основанные на технологиях информационно-психологического воздействия. Их сегодня в мире четыре: англосаксонская, восточноазиатская, ближневосточная и романо-германская. Каждая из них стремится преобразовать политические системы участников конфликта в соответствии с собственной картиной мира. Национально-государственные принципы урегулирования конфликтов постепенно уходят в прошлое; кризис институциональной системы управления конфликтами подчеркивает кризис ООН как главного института миротворческой деятельности.

3. Современные международные конфликты, носящие характер столкновения цивилизаций, являются «плавильными котлами» существующих доктрин и очагами политической модернизации. Став в результате применения специальных политических технологий управляемыми, такие конфликты тем самым становятся инструментами политической модернизации системы международных отношений, эволюция которой может быть направлена в определенное русло. Управляя международными конфликтами, можно управлять политической модернизацией. Для ведущих мировых держав, стремящихся к глобальному лидерству, сегодня выгоднее сделать международный конфликт управляемым и затем использовать его в своих целях, чем способствовать его мирному разрешению. Вот почему идеология управления конфликтами активно развивается всеми ведущими мировыми лидерами, а концепции управления международными конфликтами выдвигаются ими на передний план миротворческой деятельности.

4. Одновременно с доминированием в современных международных конфликтах идеологии межцивилизационного противостояния, в миротворческих операциях происходит смена целеполагания: вместо объекта, который надо «склонить» или «принудить» к миру, международные конфликты начинают рассматриваться как объекты внешнего политического управления, не предполагающего их прямое и скорейшее разрешение. Умиротворенный конфликт в современной глобальной политике не интересен и не выгоден никому (кроме мирного населения): в мирной фазе он не может обеспечить геополитический перевес в данном регионе ни одной из великих держав.

Объект исследования: культурно-цивилизационные, национально-государственные концепции, модели и технологии управления международными конфликтами, применяемые в миротворческих операциях Соединенными Штатами, Россией и ведущими странами Евросоюза.

Предмет исследования: теория, методология и практика применения США, России и ЕС в миротворческих операциях современных концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами.

Цель диссертационной работы: определить роль и место современных концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами в миротворческих операциях США, России и ведущих стран Европейского Союза; выявить общие черты и показать принципиальные различия в англосаксонском, западноевропейском и российском подходах к управлению международными конфликтами.

Задачи, вытекающие из данной постановки цели исследования:

- определить и сформулировать современные концептуальные и методологические подходы США, России и ведущих стран Европейского Союза к использованию моделей и технологий управления международными конфликтами в миротворческих операциях;
- на основании международной практики применения современных концепций, моделей и технологий информационного воздействия в зонах международных конфликтов оценить результативность западных (США, ЕС) и российских технологий управления конфликтами в миротворческих операциях, а также выявить основные преимущества западных и российских технологий управления конфликтами по отношению к традиционным инструментам и процедурам миротворческой деятельности;
- провести сравнительный анализ существующих сегодня в США, России и ЕС культурно-цивилизационных и национально-государственных моделей управления международными конфликтами, выявить сходство и различия в англосаксонском, западноевропейском и российском подходах к управлению конфликтами;
- выявить точки конфликтного соприкосновения различных концепций управления конфликтами в современных миротворческих операциях;
- оценить пределы регулирующего воздействия на международные конфликты современных концепций, моделей и технологий внешнего информационно-психологического управления, применяемые в миротворческих операциях Соединенными Штатами, Россией и ведущими странами Евросоюза;
- определить проблемы и перспективы дальнейшего эволюционного развития западных концепций и моделей управления международными конфликтами в свете глобальной политической модернизации международных отношений;

- выявить основные сущностные черты и принципы функционирования российской национальной модели управления международными конфликтами, а также выявить основные отличия российского подхода от англосаксонского и западноевропейского.

- дать оценку возможности использования в российской модели отдельных положений западных парадигм управления конфликтами, доказавших свою эффективность в рамках собственных цивилизационных моделей;

- предложить рекомендации по дальнейшему совершенствованию Россией собственной модели управления международными конфликтами.

Теоретико-методологическая основа исследования включает в себя системный, сравнительный, проблемный и другие общенаучные подходы, а также широкий спектр методов современной политологии и ряда других смежных наук. Теоретико-методологические основы исследования определяются, с одной стороны, характером его цели и задач, а с другой подходом и научной позицией автора. Определяющими методологическими установками служат принципы: объективности, системности, всестороннего рассмотрения, историзма³⁹.

В исследовании также широко применяется междисциплинарный подход, основанный на использовании автором общих методологических подходов, принятых в политологии, политической социологии и психологии, дипломатии, мировой политики и международных отношениях, теории безопасности и информационной политике, раскрывающие существующие методы и приемы анализа международных конфликтов⁴⁰. Системный

³⁹ Так, принцип объективности реализуется в данном исследовании в анализе и оценке моделей формирования внешней политики в области миротворчества и управления международными конфликтами зарубежными странами и в России, эффективности методов и форм этой политики, конкретном рассмотрении ее целей, задач, направлений. Принцип системности позволяет рассматривать процесс формирования конфигурации международных отношений в зонах международных конфликтов под воздействием моделей и технологий управления конфликтами в его концептуальном, технологическом и организационном измерениях. Принцип историзма воплощается в ретроспективном анализе предпринимавшихся в истории России и зарубежных стран попыток управления международными конфликтами посредством мер и действий политического, дипломатического, экономического, информационного, культурного и иного характера. Принцип диалектической противоречивости познания позволяет уловить переход от следования «жестким» принципам и методам политического доминирования и силового давления к «мягким» принципам и методам мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества в данной области.

⁴⁰ Барановский Е.Г., Владиславлева Н.Н., Методы анализа международных конфликтов. М., Изд-во Научная книга, 2002.

подход⁴¹ в его структурно-функциональной версии (Т. Парсонс, Р. Дарендорф, Д. Истон, Г. Алмонд, Л. Козер⁴²) позволил автору рассматривать современные модели и технологии миротворческой деятельности, основанные на культурно-цивилизационных традициях и современных психологических методах, как одну из важных функций воздействия на процесс управления международным конфликтом в интересах его стабилизации, мирного урегулирования и разрешения.

При проведении сравнительного анализа особенностей изменения хода и течения международного конфликта, возникающих в результате воздействия на него англосаксонской, романо-германской и российской моделей внешнего информационного управления, автор использовал бихевиористский подход (Г. Марриам, Г. Лассуэл и др.⁴³), позволяющий изучить изменения в поведении участников международного конфликта, помещенных в «силовые поля», в результате оказания на них внешнего управляющего воздействия. При этом в роли участников конфликта рассматривались как отдельные личности, так и государства, вовлеченные в глобальное противоборство (Д. Сингер)⁴⁴. Значительный прогресс также был достигнут при применении аппарата бихевиористского подхода к изучению проблем рефлексивного управления (В.А. Лефевр⁴⁵) поведением участников конфликта в медиаторском процессе, находящихся в поле действия технологий управления конфликтами, а также в оценке роли информационного воздействия в изменениях в поведении акторов, вовлеченных в международный конфликт.

Одним из основных инструментов исследования является модернизированный культурно-цивилизационный подход, рассматривающий управление международными конфликтами в рамках системы мировых культурно-цивилизационных моделей информационно-психологического воздействия. Функции управления конфликтами при этом реализуются участниками миротворческой деятельности в форме специальных психологических операций, основанных на технологиях политической поляризации,

⁴¹ См.: Богатуров А.Д. (ред.), Системная история международных отношений, 1918-2003, в 4 томах. М. 2003.

⁴² См.: Чилкот Р.Х., Теория сравнительной политологии. В поисках парадигмы. - М.2001

⁴³ См.: Lassel H., Kaplan A., Power and Society: A Framework for political inquiry. - New-Havey, 1962.

⁴⁴ Singer D.J., The global system and sub-system. A development view. - NY, 1971.

⁴⁵ См.: Лефевр В.А., #Рефлексия. - М. Изд-во Когито-Центр. 2003.

страгификации и управления цепными реакциями поведения как мирного населения, так и самих участников конфликта⁴⁶.

При исследовании практики применения США, ЕС и Россией в миротворческих операциях современных моделей и технологий управления международными конфликтами автором также использованы другие методологические подходы: институциональный подход (описательный, легально-формальный и историко-компаративный методы), когда не только исследуется миротворческая деятельность в рамках установленных законов в различных странах, но также изучается ее воздействие на систему международных отношений, систему международных институтов, внешнеполитические доктрины мировых лидеров и системы обеспечения региональной безопасности; сравнительный исторический анализ, когда тот или иной международный конфликт сравнивается с другим подобным явлением; сравнительный политологический анализ, применяемый к различным цивилизационным моделям управления конфликтами, конкурирующим в миротворческой деятельности.

В диссертации выдвигаются следующие положения, выносимые на защиту:

1. Кризис миротворчества. Сегодня система международных отношений переживает острый кризис, вызванный разрушением (а в ряде случаев - сознательным демонтажем) ялтинско-потсдамской системы мироустройства. Главным индикатором нарастающего системного кризиса, охватившего все слои общества, и связанного с ним хаоса в международных отношениях являются международные конфликты, во множестве возникающие по всему миру, даже в тех регионах, которые ранее считались абсолютно стабильными. Международные конфликты нового поколения оказываются структурно более сложными, чем их предшественники, демонстрируют способность быстро разрастаться, вовлекать в свою сферу новых участников, воздействуя напрямую на их систему ценностей и социокультурные архетипы, и быстро развивают любые, даже незначительные, столкновения до уровня межцивилизационного противостояния. Современные конфликты ценностей практически невосприимчивы к усилиям мирового сообщества по их внешнему умиротворению: существующие сегодня концепции, доктрины и инструменты миротворческой деятельности ориентированы в первую очередь на традиционные формы конфликтов, построенные на столкновении интересов наций-государств, и рассматривают процесс разрешения конфликтов как результат взаимодействия международных институтов,

⁴⁶ Манойло А.В. Управление конфликтами. Модель психологической операции. // Акмеология. -2009. - №1. – С. 64-74.

реальная способность которых разрешать международные конфликты сегодня все чаще ставится под сомнение.

2. Управление конфликтами. Одновременно с нарастающим кризисом системы международных институтов (ООН, ОБСЕ) не меньший кризис переживает и международная миротворческая деятельность: в современных условиях концепции и доктрины миротворчества не успевают реагировать на новые вызовы международной безопасности, связанные со стремительной эволюцией международных конфликтов, трансформацией прежних и возникновением новых их форм, и стремительно устаревают, нередко еще на стадии разработки. Вместе с тем, в планировании современных миротворческих операций происходят качественные изменения, связанные со сменой целеполагания и отношения к международным конфликтам: в глобальной конкуренции великих держав, которые стремятся перехватить у ООН стратегическую инициативу в сфере миротворчества, международный конфликт рассматривается не как угроза миру, а как объект внешнего политического управления. При этом сами международные конфликты, как правило, возникают не случайно, а в результате внешней инициации, и только в тех регионах, где разворачивается борьба великих держав за политическое влияние и ресурсы. В этих условиях для мировых лидеров международный конфликт становится полем столкновения интересов, в котором они добиваются преимуществ, манипулируя сторонами конфликта с помощью технологий внешнего управления. Сам же конфликт в условиях глобальной конкуренции великих держав становится объектом внешнего управления и одновременно инструментом воздействия на политических оппонентов, их позиции и влияние в регионе, и его скорейшее мирное разрешение может только повредить ведущейся на глобальном уровне политической игре. Эти изменения в большинстве своем имеют скрытый характер, для большинства участников международных отношений остаются нераспознаваемыми и ошибочно воспринимаются внешними наблюдателями как очередные проявления общего кризиса миротворческой деятельности.

Как объекты внешнего управления современные международные конфликты демонстрируют слабую восприимчивость к традиционным институциональным методам воздействия (включая силовое давление) и, напротив, откликаются на инструменты, оказывающие прямое воздействие на сознание участников, их системы ценностей, культурные и цивилизационные представления. В этих условиях важнейшим фактором воздействия на ход развития и разрешения международных конфликтов становятся технологии внешнего информационно-психологического управления, которые сегодня

применяются акторами в рамках собственных, исторически сформировавшихся культурно-цивилизационных моделей управления конфликтами. Таким образом, на смену институциональным методам урегулирования конфликтов приходят культурно-цивилизационные модели внешнего управления, основанные на технологиях информационно-психологического воздействия.

3. Модели. В сфере управления международными конфликтами акторы международных отношений в целом придерживаются близких взглядов относительно целей, задач, форм, методов и политических процедур воздействия на конфликты, включающих в себя миссии по поддержанию мира, принуждению к миру, миротворчеству и постконфликтному миростроительству, продвигающих в мировую практику такие методы как разрешение споров с помощью посредников и международные санкции (вплоть до полной изоляции и блокады) тех, кто предпочитает военные решения. Также имеется совпадение мнений в отношении круга ситуаций, в которых международное сообщество заинтересовано в применении теории и практики управления конфликтами. Вместе с тем, существуют и принципиальные расхождения в подходах различных акторов к управлению конфликтами в интересах их мирного разрешения. Практика миротворческой деятельности убедительно доказывает, что в современном мире исторически сформировались и действуют четыре основных модели управления международными конфликтами, которые успешно применяются в соответствующих культурно-цивилизационных ареалах: англосаксонская, романо-германская, восточноазиатская и ближневосточная, каждая из которых стремится преобразовать политические системы участников конфликта в соответствии с собственной картиной мира. Все эти модели эффективно работают в зонах международных конфликтов, не вступая в противоречие между собой и часто взаимно дополняя друг друга. Их результативность в мирном разрешении конфликтов позволяет рассматривать эти модели как реальную альтернативу силовому умиротворению. В этой глобальной системе российская национальная модель управления международными конфликтами сегодня еще не обрела свой окончательный облик, но находится в стадии активного формирования, чему немало способствует активизация роли России на миротворческом направлении. В перспективе она сможет составить реальную конкуренцию и стратегическую альтернативу доминирующим сегодня западным моделям управления конфликтами.

Вместе с тем, система из двух ведущих западных мировых моделей управления конфликтами, наиболее активно применяемых в миротворческих операциях, даже будучи дополнена двумя восточными моделями, не является полной и самодостаточной; в ней

заложены точки конфликтного соприкосновения и скрытые системные риски, способные в условиях появления все более сложных форм конфликтов стать причиной новых кризисов миротворческой деятельности. Напротив, российская модель управления конфликтами обладает теми качествами, которые позволяют компенсировать системные недостатки западных моделей. Войдя в систему мировых культурно-цивилизационных моделей, она способна придать ей необходимую сбалансированность и устойчивость. Более того, помимо стабилизации, российская модель управления международными конфликтами также несет функцию политической модернизации западного вектора, англосаксонских и романо-германских моделей, концепций и доктрин управления конфликтами, стимулируя их развитие и побуждая к поиску новых форм воздействия на конфликты.

4. Англосаксонская модель управления международными конфликтами в проводимых США миротворческих операциях все чаще проявляется в форме глобальной цивилизаторской миссии, несущей другим странам и народам универсальные (как считают американцы) ценности, мировоззрение, политические нормы и стандарты англосаксонской цивилизации. К таким ценностям, ориентированным на экспорт, относятся известные продукты западной либеральной идеологии: «демократические институты», «демократические ценности», «права человека» и др. При этом перенос этих ценностей из одной культурной среды в другую представители англосаксонской цивилизации видят в полной, принудительной трансформации политических систем других участников международных отношений, а сами международные конфликты рассматривают как канал проникновения в культурную среду его участников с целью ее дальнейшего преобразования в соответствии с собственной картиной мира. В этих целях англосаксы разрабатывают и используют в международных конфликтах гибкие тактические схемы внешнего управления, основанные на применении как методов силового давления («силовое умиротворение», «гуманитарные интервенции», «борьба с международным терроризмом»), так и методов несилового воздействия («мягкая сила», «цветные революции», «психологическая война»). При этом представители англосаксонской модели управления конфликтами придерживаются в отношении определения конечных целей и задач управления следующего принципа: они полагают, что скорейшее разрешение конфликта возможно только тогда, когда конфликт перестанет быть интересен с точки зрения использования его в качестве инструмента оказания давления на его участников и их союзников на мировой арене и тем самым исчерпает свои возможности в глобальной политической борьбе. Поэтому англосаксы в своих миротворческих операциях стремятся встроить любой конфликт в определенную схему взаимодействия с его участниками и в

дальнейшем использовать эту схему в качестве инструмента управления их политическим поведением, включающего, в том числе, и методы прямого принуждения. Вместе с тем, в англосаксонской модели управления международными конфликтами применение прямой вооруженной силы рассматривается в качестве сервиса по отношению к технологиям информационно-психологического управления массовым и индивидуальным сознанием населения как непосредственно в зонах международных конфликтов, так и вне их.

В концепции внешней политики США постановка задачи «управления конфликтами» приобретает сегодня нормативный характер, воспринимается как обязанность США перед всем «свободным миром» и мировой цивилизацией, не исключая при этом угрозы применения силы против тех, кто это мнение не разделяет. Некоторые положения и ориентиры этой концепции в принципе одобряются мировым сообществом, среди которых стремление использовать временную стабилизацию мировой системы после окончания глобального противостояния СССР и США для выработки и распространения в практике международных отношений новых механизмов мирного урегулирования и разрешения международных конфликтов. Однако стремление Вашингтона диктовать остальному миру свои условия и выстраивать всю систему миротворчества в соответствии с собственной цивилизационной моделью управления международными конфликтами вызывает серьезные возражения со стороны других участников миротворческой деятельности. Россия, Франция, Китай считают, что юридической основой этой политики должны быть решения Совета Безопасности ООН, который не только создает схему управления конфликтами, но и определяет, кого и как привлечь к осуществлению этого управления. Вашингтон, напротив, высказывает пренебрежение к ООН, способствуя перехвату ряда ее функций другими организациями – прежде всего НАТО. Американские политики в противовес России выдвигают идею создания новых международных организаций по политико-идеологическому принципу – на основе соответствия их будущих членов демократическим идеалам.

5. Романо-германская модель. В отличие от англосаксов, ведущие страны Европейского союза придерживаются в управлении конфликтами собственных взглядов и собственных моделей. Европейские страны - члены ЕС еще в 1992 г. определили свой интерес к управлению конфликтами, фактически сделав это стержнем своей политики в области безопасности, о чем говорят решения Петербургской конференции ЕС, на которой определились задачи и направления деятельности Евросоюза в этой сфере.

В управлении конфликтами ЕС основывается на собственной культурно-цивилизационной модели. Романо-германская модель управления международными конфликтами исходит из того, что процесс разрешения конфликтной ситуации заключается в изменении взглядов его участников на сам конфликт в соответствии с предлагаемым европейскими миротворцами специально сконструированным образом конфликта, включающим готовые шаблоны и рекомендации отношения к нему. Европейцы стремятся управлять сознанием политических элит, стоящих у власти в государствах-участниках конфликта, а также сознанием различных слоев местного населения и международной общественности, побуждая их воспринимать конфликт в соответствии с предлагаемым им образом, смотреть на конфликт глазами европейского сообщества. Образ конфликта в европейских технологиях перестает быть точным отражением действительности и приобретает характер «товарной марки», бренда, который затем продвигается в сознании политического электората с помощью специальных технологий политического маркетинга.

Сегодня ЕС стремится стать лидером в управлении конфликтами, взяв курс на формирование собственного полюса по их мирному урегулированию и разрешению. В этой политике ЕС использует ряд очевидных преимуществ своей модели, во многих отношениях более тонкой и гибкой, чем англосаксонская. Вместе с тем, романо-германская модель, основанная на своей цивилизационной, политической этике, отягощена стереотипами, набором «общепринятых» или общеобязательных этических представлений, не всегда совпадающих с представлениями других цивилизаций. Кроме того, эффективность романо-германской модели в управлении конфликтами носит временный характер: она не меняет систему политических отношений участников конфликта и тем самым не устраняет коренные противоречия, породившие международный конфликт, хотя и способна на некоторое время (впрочем, достаточное для принятия взаимных договоренностей) сблизить оппонентов и посадить их за стол переговоров. Образ политического конфликта, сконструированный европейскими политтехнологами, также относительно недолговечен и со временем перестает владеть сознанием людей.

6. Российская национальная модель рассматривает управление международными конфликтами прежде всего как процесс политической модернизации мира. В свете этих представлений миротворчество дает мировому сообществу уникальный шанс выработать новые формы, механизмы и процедуры политического поведения в условиях распада ялтинско-потсдамской системы и нарастания степени хаотизации в международных отношениях. Международные конфликты при этом являются не только прямой угрозой миру,

но и очагами политической модернизации, «плавильными котлами» для концепций и доктрин политического управления и центрами обновления международных отношений. С российской точки зрения, управление международными конфликтами фактически тождественно управлению политической модернизацией, а участие России в управлении конфликтами дает ей определенные преимущества в мировом политическом процессе, в том числе в деятельности по определению облика будущей мировой системы.

С другой стороны, российская модель в своей деятельности по управлению международными конфликтами основывается на собственном мировоззрении, являющимся для участников конфликтов реальной альтернативой картинам мира западной цивилизации. С этой ее особенностью связана высокая проникающая способность в среде участников международных конфликтов российской культуры и цивилизационных ценностей, с одной стороны, и идеологии, сформулированной в российской модели как программа практической реализации национальной идеи, с другой. Условием эффективности российской модели является мощное цивилизаторское воздействие всех ее составляющих - национальной идеи, культуры, идеологии - на участников конфликта, их представления, мировоззрение, этническое самосознание и культуру, способное не только внедрить в сознание и подсознание участников конфликта новые ценностные установки, но и придать их прежним ценностным установкам новое культурно-цивилизационное качество.

7. Сравнительный анализ модели США. Несмотря на масштабность миротворческих операций США, большинство членов мирового сообщества не считают убедительной американоцентричную англосаксонскую модель управления международными конфликтами, основанную на привлекательности англосаксонских ценностей. Американский вариант мироустройства не доказал своей способности гарантировать стабильность мировой системы, не вызывая при этом роста системной угрозы для ее существования. Война в Южной Осетии в августе 2008 г. стала признаком проявления такой угрозы. Диктатура американских ценностей и методов генерирует потенциал нового раскола, попытка моноцентричности не препятствует развитию в международных отношениях альтернатив, в том числе различных форм многовекторности, получает широкое развитие практика провоцирования конфликтов и специальной их инициации. В международных отношениях все более укореняется и распространяется практика силового принуждения и государственного шантажа, в рамках которой странам и народам предлагают присоединиться к США под угрозой применения силы.

Обеспокоенность неудачами американской деятельности порождает в Америке идеи о необходимости для США «разумно уступить», отказаться от распространения демократии любой ценой. Радикальность политики США дестабилизирует систему международных отношений и провоцирует активность других ведущих держав региона, таких как Китай. В результате начинает признаваться факт, что глобальная стратегия США, в основе которой лежат либеральные идеи, это не стратегия мира, а стратегия конфликта. Выход видится в возврате к реализму, свободному от идеологической нетерпимости и позволяющему другим центрам силы участвовать в строительстве нового мирового порядка вместе с США. При таком подходе «свободное балансирование» между разными центрами силы в управлении международными конфликтами позволит США избежать формирования враждебного отношения со стороны других государств.

Построенный США международный порядок однополярного мира с доминированием англосаксонской модели управления международными конфликтами сегодня столкнулся с глобальными трудностями и вступил в полосу нарастающей нестабильности. Это является прямым следствием того, что его строили без участия государств, считавшихся ранее периферийными региональными игроками, а теперь вышедших на иной, более высокий уровень участия в мировом политическом процессе. Для новых акторов международных отношений ни США, ни Западная Европа, ни Россия уже не признаются неоспоримыми авторитетами, они не считают возможным помогать Вашингтону в создании новых основ международной политики и реализации англосаксонской модели управления конфликтами и выдвигают собственные альтернативные картины устройства мира и модели управления конфликтами – к ним относятся восточноазиатская и ближневосточная (исламская) модели управления международными конфликтами, доминирующие наравне с лучшими западными моделями. Кроме того, на подходе – латиноамериканская модель и в перспективе, вероятно, африканская.

8. Сравнительный анализ модели ЕС. В отличие от англосаксонской модели США европейские технологии психологического воздействия на конфликт строятся на принципе создания в сознании населения определенного образа конфликта, отличного от того, который формирует официальная идеология экстремистов, развязавших конфликт, и делающего этот конфликт управляемым. В отличие от представителей англосаксонской модели европейцы используют в качестве инструмента психологической обработки сознания технологии, перешедшие в политическую коммуникацию из сферы коммерции – речь идет о технологиях создания образа конфликта как политической «марки» (бренда) и продвижение его в

сознание населения как коммерческий продукт, имеющий определенную рыночную стоимость и пригодный для потребления.

В европейских операциях психологической войны продуктом коммерческого потребления является образ конкретного политического события, цепочки таких событий, военной кампании или всего внешнеполитического курса государства-миротворца в целом. В этом случае на фоне успешно разворачивающейся военной кампании формируется торговая марка, представляющая вооруженное вторжение в определенном свете: например, в виде миротворческой операции, призванной освободить от диктатуры или от угрозы международного терроризма. Потребителем такого коммерческого продукта (образа военного конфликта, представленного на рынке своей торговой маркой) по-прежнему остается общество, мнение которого отражает то, насколько успешно этот продукт продается.

Здесь ярко проявляется основное отличие европейского (романо-германского) подхода к психологическим технологиям от англосаксонского (США): европейцы не стремятся внедрить в зоне конфликта новый мировой порядок, а пытаются максимально использовать возможности существующих форм коммуникации, корректируя в сознании населения образ конфликта и, как следствие, вызывая контролируемое сознательное изменение отношения к нему. Эта тактика позволяет европейским странам одновременно направлять конфликты в сторону их урегулирования, уважать неотъемлемые права прямых участников конфликта, избегая вмешательства в их внутренние дела, и уклоняться от роли диктатора.

9. Сравнительный анализ российской модели. В отличие от ведущих евроатлантических моделей (англосаксонской и романо-германской) российская культурно-цивилизационная модель управления конфликтами рассматривает психологическое воздействие на конфликты как процесс (или часть процесса) цивилизаторской модернизации существующей картины мира. Конфликты в рамках российской концепции воспринимаются не только как цивилизационные разломы и точки столкновения, проявления антагонизма различных цивилизаций, но и как «плавильные котлы» для идеологических концепций, претендующих на управление современным миром; как медиа-повод для залповых выбросов на целевые аудитории и закрепления в их сознании ценностей и установок российской национальной модели, а также внедрения новых форм и практики политического поведения.

Основное отличие от англосаксонской модели – поливариантность. Российская модель предлагает собственное видение мирного разрешения международных конфликтов, выступающее в качестве наилучшей альтернативы в конкретных сложившихся условиях. Российская модель не навязывает собственное мировоззрение и стремится к тому, чтобы

участники конфликта сами сделали сознательный выбор в пользу российской модели, добровольно и без принуждения. Такая практика оправдана как в ближней, так и в отдаленной перспективе развития международных отношений: в отличие от российской модели «демократические шаблоны» политического поведения англосаксов, принудительно навязанные участникам конфликта, нуждаются в постоянной внешней силовой поддержке и перестают действовать, как только этот фактор силы исчезает. Следовательно, их эффект недолговечен и не способен качественно изменить конфликтную ситуацию, а тем более – сохранить эти изменения в течение продолжительного времени.

Основное отличие от романо-германской модели состоит в том, что российская модель видит разрешение конфликтов в политической модернизации всей системы международных отношений как на региональном, так и на глобальном уровне. Напротив, романо-германская модель оперирует образом и восприятием конфликта в глазах его участников, ведущих акторов международных отношений и мирового сообщества в целом, добиваясь при этом конкретных результатов, не приводящих к революционным процессам политической модернизации системы международных отношений в целом. Кроме того, в западноевропейской модели есть значительный элемент созерцательности: западноевропейские миротворцы предпочитают всеми способами избегать прямого участия в конфликте, если есть риск понести потери. Кроме того, технологии политического маркетинга эффективны только в социо-культурной среде общества потребления и не встречают отклика у представителей других цивилизаций, в частности, на Востоке и Африканском континенте.

Вместе с тем, урегулирование конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г. (программа Медведева-Саркози) показало, что взгляды западноевропейских и российских дипломатов на процесс управления международными конфликтами во многом если не совпадают, то, во всяком случае, не противоречат друг другу. Обе модели управления конфликтами в миротворческих операциях способны действовать совместно, с высокой эффективностью, занимая при этом каждая свою политическую нишу. Это означает, что Россия в своей миротворческой деятельности может учитывать и в полной мере использовать накопленный западноевропейскими странами опыт по управлению восприятием образа конфликта как различными его участниками, так и мировым сообществом в целом.

10. Финиковые революции. Волна «финиковых революций», прокатившихся по Ближнему Востоку и Северной Африке и охватившая государства, на протяжении десятилетий демонстрировавших стабильность политических режимов, в очередной раз

показали эффективность современных технологий инициации и управления международными конфликтами. Все эти события не случайны и вызваны совсем не социальными факторами, сработавшими одновременно во всех странах, спонтанно и неожиданно для мирового сообщества. Схемы организации и проведения «революций» в Тунисе, Египте, Бахрейне, Ливии и Сирии в точности соответствуют технологиям «цветных революций»; на наличие у всех произошедших событий единого внешнего сценария указывает высокая степень организованности местных протестных движений («оппозиции», «народных масс», «революционеров») и обеспеченность их материальными и финансовыми ресурсами (которые невозможно перебросить в зону конфликта мгновенно), оружием и боеприпасами, высокая степень координации действия различных групп мятежников и синхронизация протестных выступлений по времени, предполагающая наличие у мятежников единого оперативного плана и центра управления. За событиями в Африке стоят вполне определенные силы, в том числе западные страны, имеющие Ближнем Востоке и в Африке свои стратегические интересы.

В своей политике как на Африканском континенте, так и на Ближнем Востоке и в других районах мира Запад, вопреки заявлениям по поводу защиты прав человека, демократизации тоталитарных режимов, борьбы с экстремизмом и терроризмом, сотрудничает с теми же местными и транснациональными кругами и силами, которые этот экстремизм и терроризм представляют. Это становится нормой в политике западных стран, когда они считают это выгодным для себя. Мораль, приемы и методы прежних колонизаторов сегодня возвращаются в международную политику и практику управления конфликтами, несмотря на существование ООН и других международных организаций.

Интерес США к Северной Африке во многом определяется стремлением перекрыть доступ растущей экономике своего ближайшего конкурента Китая к энергетическим ресурсам африканского континента. В этих целях Вашингтон использует технологии «цветных революций» для зачистки своих сторонников среди правящих режимов (в целях повышения их степени лояльности и политической зависимости от США) и технологий «управляемого хаоса» для разрушения традиционного уклада восточных обществ, способных замедлить темпы американской идеологической экспансии или даже заблокировать инициативы США в регионе.

Научная новизна исследования определяется в первую очередь тем, что в нем содержится анализ возможностей практического использования различных концепций,

моделей и технологий управления международными конфликтами в современных миротворческих операциях.

Автором разработан новый подход к исследуемой проблеме, в котором конфигурация международных отношений в зонах международных конфликтов поставлена в прямую функциональную зависимость от следующих системообразующих факторов:

- текущего состояния, динамики и общей эффективности острого соперничества ведущих мировых держав – США, ЕС и др. – за контроль над зонами международных конфликтов и их ресурсами, а также транзитными возможностями, с одной стороны, и за использование регионов, в которых протекают современные конфликты, в качестве военно-политического плацдарма для распространения влияния на сопредельные государства и территории, с другой;

- внешней политики России, направленной на обеспечение национальных интересов, противодействие угрозам, обеспечение международной безопасности и стабильности в зонах международных конфликтов;

- внешней политики региональных государств-участников международных конфликтов, в большинстве своем придерживающихся идей «многовекторной дипломатии» и активно маневрирующих между Россией и Западом, стремясь извлечь для себя больше выгоды из сложившейся ситуации;

- состояния и динамики региональной безопасности, поддерживаемой балансом разнонаправленных сил в зонах международных конфликтов, миротворческими операциями ООН и мировых лидеров, а также коллективными усилиями региональных держав по сдерживанию внешних и внутренних угроз, перекрытию каналов их проникновения в зоны конфликтов и транзитных возможностей для дальнейшего распространения за пределы зон международных конфликтов;

- состояния информационного, психологического и идеологического доминирования западных держав в зонах конфликтов и эффективности применения ими современных концепций, моделей и технологий внешнего управления международными конфликтами в проводимых США и ЕС миротворческих операциях;

- стабилизирующего воздействия российской национальной модели управления конфликтами, оказываемого как на самих участников международных конфликтов, так и на действующие в зоне конфликтов ведущие западные модели и концепции, управляющее воздействие которых на современные конфликты может в определенных ситуациях

приводить к неустойчивости и дестабилизации исторически сложившихся конфигураций международных отношений.

Автор существенно развил и модернизировал культурно-цивилизационный подход к информационно-психологическому воздействию на международные конфликты, впервые предложенный Г.Г. Кадымовым и А.В. Манойло (2008):

- в результате сравнительного анализа существующих сегодня в США, Западной Европе, АТР и исламском мире культурно-цивилизационных и национально-государственных моделей, соискателем доказано, что система из четырех доминирующих мировых моделей управления конфликтами (англосаксонской, романо-германской, восточноазиатской и ближневосточной) не является полной и самодостаточной; ее идеологическая нескомпенсированность в условиях появления все более сложных форм конфликтов закладывает в развитие общества опасность возникновения новых системных кризисов миротворческой деятельности.

- в результате сравнительного анализа практики внешнего управления конфликтами в миротворческих операциях, выявившего сходство и различия в англосаксонском, западноевропейском и российском подходах к управлению конфликтами, диссертантом установлено, что российская модель управления конфликтами, войдя в систему мировых культурно-цивилизационных моделей, придает ей сбалансированность и устойчивость: она во многом компенсирует системные недостатки известных моделей, предлагая в моменты кризиса всем участникам конфликта (как противоборствующим сторонам, так и самим миротворцам) альтернативное видение сложившейся ситуации и путей выхода из нее. При этом российская модель оказывает мощное цивилизаторское воздействие как на участников конфликтов, так и на мировое сообщество и систему международных отношений в целом.

Исходя из установленных в исследовании роли и места российской модели в системе мировых моделей управления конфликтами, сформулированы новые требования и принципы ее функционирования: в собственной практике управления международными конфликтами российская модель должна ориентироваться на управление конфигурациями международных отношений. В основу управления конфликтами в российской модели может быть положен принцип конструирования системы международных отношений в конфликтной зоне, в которой состояние динамического равновесия интересов всех участников конфликта, борющихся за политическое и экономическое влияние, функционально связано со стабильностью или нестабильностью конфигураций международных отношений в соседних

регионах, ключом к которым зона конфликта является в силу своего географического положения.

В результате в новом свете выявлены и сформулированы интересы России, ее внешней политики как по отношению к наиболее опасным международным конфликтам, так и по отношению к ведущим мировым акторам, участвующим в миротворческой деятельности. На основании этих заключений сформулированы рекомендации по реализации актуальных задач российской внешней политики по управлению международными конфликтами на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Внутренняя подсистема системы мировых моделей управления международными конфликтами, представленная политикой молодых государств Африки и латинской Америки, также стремящихся участвовать в управлении конфликтами на основе собственных цивилизационных представлений, впервые представлена в виде диалектического единства и борьбы интересов новых акторов миротворческой деятельности в базисе, формируемом векторами внешней политики и миротворческой деятельности мировых лидеров (США, КНР, Россия, ЕС и т.д.) в своем соперничестве за влияние в зонах конфликтов.

Научная значимость исследования обусловлена той важностью, которую сегодня играют в управлении современными международными конфликтами способы, методы и технологии информационно-психологического воздействия, а также - широким распространением практики использования указанных технологий в международных отношениях и отсутствием единых подходов к пониманию роли и места культурно-цивилизационных моделей и технологий информационно-психологического воздействия в разрешении современных конфликтов. В диссертации разработана новая методология исследования современных концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами в миротворческих операциях, основанная на культурно-цивилизационном подходе и методах сравнительного политологического анализа.

В своем исследовании автор обращается к малоизученной проблематике практического применения технологий управления конфликтами в современных миротворческих операциях. Причем впервые проблема управления международными конфликтами поднимается именно в рамках современных миротворческих операций: это, с одной стороны, подчеркивает, что современные культурно-цивилизационные модели управления международными конфликтами получили свое окончательное оформление и апробацию именно в результате развития миротворческой деятельности и проведения многочисленных миротворческих операций; с другой стороны, противоречивость во взглядах различных

акторов на формы и методы проведения миротворческих операций на фоне затянувшегося кризиса ООН и провала многих его миссий в зонах конфликтов, оставляет для цивилизационных парадигм управления конфликтами значительную свободу маневра даже в рамках во многом устаревших концепций миротворческой деятельности, базирующихся на институциональных и национально-государственных принципах. Полученные результаты способны во многом изменить многие сложившиеся взгляды и представления о роли культурно-цивилизационных моделей и технологий управления конфликтами в миротворческой деятельности.

Автор существенно развил и модернизировал культурно-цивилизационный подход к информационно-психологическому воздействию на международные конфликты, дополнив его рядом важных концептуальных положений, ставших результатами применения к системе моделей управления конфликтами аппарата сравнительного политологического анализа. Новым вкладом в развитие теории и методологии исследования проблем управления международными конфликтами является разработанный автором подход к принципам формирования российской модели, в котором в основу управления конфликтами положен принцип конструирования системы международных отношений в конфликтной зоне.

В настоящей работе получили дальнейшее развитие прежние и сформулированы новые подходы к анализу развития общественных отношений, направленных на разрешение современных международных и внутривнутриполитических конфликтов, в первую очередь мирными методами. Результаты данной научной работы позволяют на основе принципов системного подхода применительно к исследуемым международным отношениям очертить круг тех общих проблем, которые могут служить отправной точкой дальнейших исследований в этой области.

Практическая ценность результатов исследования состоит в том, что в диссертации предложены научно-обоснованные и подкрепленные современной политической практикой рекомендации по совершенствованию деятельности России по управлению современными международными конфликтами в миротворческих операциях. Результаты исследования, сделанные в нем выводы и рекомендации могут быть использованы российскими дипломатическими работниками в интересах реализации внешнеполитического курса страны и достойного представления ее интересов в международной миротворческой деятельности как в международных организациях, так и непосредственно в зонах конфликтов. Выводы исследования также могут представлять практический интерес для превентивной дипломатии.

Материалы исследования могут быть использованы в учебном процессе, при подготовке дипломатических работников, направляемых в зоны международных конфликтов, медиаторов, работников гуманитарных миссий и специалистов по информационно-психологическим операциям. Новые положения развивают и конкретизируют культурно-цивилизационный подход к разрешению международных конфликтов и управлению их течением, выводя уровень научной разработки проблем управления конфликтами в международных отношениях на новый качественный уровень.

Апробацию результаты настоящего исследования нашли в учебном и научно-исследовательском процессе в Дипломатической академии МИД РФ, МГУ им. М.В. Ломоносова, Институте США и Канады РАН, РАНХиГС при Президенте РФ, РУДН, МГИМО (У) МИД РФ и др. Результаты исследования использованы в работе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Совета Безопасности Российской Федерации, Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Министерства иностранных дел Российской Федерации и др. профильных организаций, легли в основу двух монографий, ряда научно-исследовательских работ и перечня публикаций в ведущих рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК России, докладывались на всероссийских и международных научно-практических конференциях и форумах.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры политологии и философии политики Дипломатической академии МИД России и рекомендована к защите.

Структура диссертации определяется логикой исследования и состоит из введения, четырех разделов, заключения, библиографии. Библиографический перечень состоит из 526 наименований.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении формулируется цель работы, ставятся задачи, вытекающие из постановки цели исследования, определяются объект и предмет исследования, формулируется научная проблема и гипотеза исследования, обосновывается актуальность темы исследования и новизна полученных лично автором научно-исследовательских результатов, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первом разделе - **«Теоретические аспекты оценки роли политических моделей и технологий в управлении международными конфликтами»**, посвященном теоретическим

и методологическим основам исследования, дается оценка современным методологическим подходам и концепциям управления международными конфликтами в миротворческих операциях США, России и ЕС, основанным на применении технологий информационно-психологического воздействия; анализируется инструментарий исследования, определяемый многообразием современных подходов к исследованию данных проблем; анализируются внешние факторы в управлении международными конфликтами, сущность и содержание внешнего управления конфликтами в миротворческих операциях; приводится классификация и типология современных международных конфликтов как объектов внешнего управления; вводится авторская классификация используемых в практике миротворчества способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия на международные конфликты; рассматриваются вопросы восприимчивости международных конфликтов к внешнему управляющему воздействию и пределы применимости технологий внешнего управления конфликтами в современных миротворческих операциях. Приводится авторская классификация современных подходов к исследованию роли и места политических моделей и технологий в управлении международными конфликтами, включающая три компонента: национально-государственный, культурно-цивилизационный и системно-функциональный подходы.

Национально-государственный подход к управлению конфликтами отражает существующую практику применения информационно-психологических технологий в международных конфликтах, преимущественно западную, в которой явным образом прослеживаются характерные черты неореализма, неолиберализма и других направлений национально-государственной политической мысли. Национально-государственный подход к управлению международными конфликтами – это прежде всего институциональный подход, рассматривающий управление конфликтами в виде функции национальных и международных институтов. Этот подход свойственен внешней политике Западной Европы. Однако именно институциональная система по поддержанию мира и управлению международными конфликтами, сложившаяся после Второй мировой войны, сегодня находится в состоянии жесточайшего системного кризиса, что, возможно, подчеркивает необходимость обновления существующей парадигмы миротворчества и включения в нее новых, культурно-цивилизационных, компонент.

Основной объем политической практики по применению технологий информационно-психологического воздействия на конфликты, доступный для исследования, – это именно западная практика, методы и технологии, применяемые США и их политическими

союзниками по НАТО в рамках своих культурно-цивилизационных представлений и политического мировоззрения. Этот факт повышает ценность такого подхода, хотя и ограничивает его определенным набором мировоззренческих концепций, свойственный в основном представителям западной цивилизации.

Культурно-цивилизационные отличия в моделях управления международными конфликтами уходят корнями, в первую очередь, в менталитет наций и этносов, составляющих население государств, и базируются на культурных архетипах. В своем чистом виде технологии информационно-психологического воздействия – универсальный инструмент управления массовым и индивидуальным сознанием населения в зонах конфликтов, сознанием самих участников международных конфликтов и мирового общественного мнения в целом, но их практическое применение в миротворческих операциях всегда происходит в рамках культурно-цивилизационных моделей управления конфликтами, основанных на собственных цивилизационных парадигмах, к которым принадлежат миротворцы и которые, в конечном счете, и определяют окончательный формат практического использования указанных технологий. Современный культурно-цивилизационный подход к управлению международными конфликтами основывается на том, что в эволюции международных конфликтов возникла новая фаза – межцивилизационная, в которой консолидация сил, средств и ресурсов строится по принципу принадлежности к определенной культуре или цивилизации, что позволяет поднимать статус локальных конфликтов до уровня межцивилизационного противостояния.

Системно-функциональный подход к управлению международными конфликтами исходит из предположения, что технологии психологического воздействия – универсальный инструмент управления массовым и индивидуальным сознанием и их возможности по управлению конфликтами зависят только от особенностей среды массовой коммуникации, то есть – от особенностей доведения управляющего воздействия до объектов атаки и его распространения в обрабатываемой общественной среде, а также от закрепления психологических установок в сознании и подсознании объекта воздействия. Именно поэтому классификация информационно-психологических технологий должна определяться не политической концепцией государства-миротворца, и не типом конфликта, а моделью групповой и массовой коммуникации, преобладающей в данной общественной среде, которая, в свою очередь, определяет «формат» психологического воздействия. Такая точка зрения на роль технологий психологического воздействия существует и активно развивается в рамках теории «пятой власти» и управления сознанием с помощью СМИ. Существуют

различные, порой достаточно сложные и многофакторные модели массовой коммуникации со своими законами и технологиями управления. Ее основной постулат – универсальность информационно-психологического воздействия на человеческое сознание и, особенно, на подсознание, на предсказуемость реакций и возможности управления ими. Этот подход – попытка найти универсальный ключ к человеческому поведению, в том числе в конфликтных ситуациях. Из стремления к универсальности следуют и очевидные достоинства и не менее очевидные недостатки такого подхода.

Во втором разделе – **«Практика применения моделей и технологий управления международными конфликтами в современных миротворческих операциях»** - исследуется результативность достоинства и недостатки применения современных концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами в миротворческих операциях США, России и ведущих стран Европейского Союза; дается оценка успешности использования технологий информационного управления конфликтами во внешней политике, обосновывается ограниченная способность технологий «силового умиротворения» к окончательному разрешению современных конфликтов, особенно мирными средствами, а также определяется место информационно-психологических технологий в деятельности по управлению конфликтами, связанное с особой ролью информационно-психологической войны в эволюции (генезисе) современных конфликтов.

Значительное место в разделе отведено изучению современных концепций и доктрин проводимых Россией, США и ЕС миротворческих операций, их классификации и роли технологий управления международными конфликтами в поддержании мира. Практика управления современными международными конфликтами представлена анализом новых вызовов международной безопасности и опыта эффективного применения технологий управления конфликтами в современных «горячих точках» планеты: психологических операций США в войне Грузии против Южной Осетии; операций НАТО в Аденском заливе (Сомали); «зеленой революции» в Иране, организованной при поддержке США и Великобритании; гражданской войны и временного урегулирования конфликта в Южном Судане (Дарфур); «финиковых революций» на Ближнем Востоке и в Северной Африке; войны в Ливии; возможного повторения ливийского сценария развития событий в Сирии. Отдельно рассматривается роль технологий информационно-психологической войны в системе инструментов управления современными международными конфликтами.

В миротворческих операциях англосаксов прослеживается явная тенденция не только к широкому использованию новейших технологий управления международными конфликтами,

основанными на новых формах и возможностях воздействия непосредственно на психику человека, но и явная эволюция организационных форм и форматов осуществления этого воздействия. Так, в войне в Персидском заливе в 2003 г. боевые действия союзных сил определялись не военной целесообразностью, а форматом вещания новостных СМИ: военная активность развивалась только в тех направлениях, которые попадали в кадр. Там, где организация вещания с театра военных действий была затруднена или невозможна, боевые операции носили вялый характер или не велись вообще, ограничиваясь минимально необходимыми мерами обороны. Военная операция в Ираке превратилась в конвейер для производства пиар-новостей, которые затем с большой эффективностью использовались для оказания давления на мировое общественное мнение и международные институты. Впервые в вооруженном конфликте международного уровня собственно военные операции стали сервисом по отношению к операциям психологической войны.

В операциях в Афганистане США и их союзники за короткий срок завершили оккупацию страны (ключевые пункты которой они с успехом удерживают до сих пор), ловко используя для прикрытия и оправдания своих действий сконструированным политическим мифом об угрозе международного терроризма. Использование этого мифа во внешней политике США стало крупнейшей психологической операцией, не только убедившей мировое сообщество в необходимости военного вмешательства в локальный конфликт в Афганистане, но и внедрившей в мировую правоприменительную практику вообще и в практику миротворческих операций, в частности, новые правила политического поведения и управления международными конфликтами. В войне в Южной Осетии в августе 2008 года США специально спровоцировали вооруженный конфликт для того, чтобы сформировать в глазах своих европейских союзников негативный образ России и ее политического курса. Технически это было осуществлено по той же схеме: конфликт с помощью западных СМИ и информационных агентств был превращен в конвейер для производства пиар-новостей; затем эти новости, используя возможности сетки вещания, накалили мировое общественное мнение, которое затем было умело взорвано и вылилось в управляемую цепную реакцию, когда в течение длительного времени после конфликта поступками западных лидеров и их элит по отношению к России руководили не четко осознаваемые ими интересы своих стран и народов, а вырвавшиеся наружу панические эмоции и страхи, основанные на внедренных в их сознание политических шаблонах и штампах. В то же время в операциях НАТО в Аденском заливе США использовали широкомасштабную психологическую операцию прикрытия своих тайных каналов переброски финансовых средств и оружия в горячие точки

планеты, задействовав при этом (с минимальными потерями для пиратов) целую эскадру тяжелых кораблей своих европейских союзников. В вооруженном конфликте в провинции Дарфур (Судан) контролируемый со стороны США этнополитический конфликт между т.н. коренными народностями (фура) и арабосуданцами то разгорается, то затухает в зависимости от остроты борьбы за нефтяные ресурсы провинции между Вашингтоном и Пекином. При этом сам конфликт, старательно представляемый как борьба оседлого и кочевого населения провинции за лучшие земли, является для США и КНР объектом внешнего управления, полигоном, на котором обе стороны активно применяют новейшие психологические технологии управления поведением прямых участников конфликта.

Высокой степенью технологичности и почти театральным уровнем драматургии отличаются цветные революции, которые западные политологи старательно пытаются выдать за самопроизвольное и стихийное проявление воли народа, внезапно решившего вернуть себе право управлять собственной страной. Несмотря на существенные различия государств, в которых они вспыхивают (в геополитическом, социальном, экономическом плане и международном положении), все они укладываются в одну и ту же организационную схему, предполагающую организацию по шаблону молодежного протестного движения, преобразования его в политическую толпу и использование этой силы против действующей власти в качестве инструмента политического шантажа. Последовательное использование технологий цветных революций в недавних событиях на Ближнем Востоке и в Северной Африке показали, что теперь в этих технологиях появился итерационный механизм: после завершения очередной «финиковой» революции в очередной стране практический опыт реализации технологии тщательно анализируется, выявляются ошибки, несовпадения и недочеты, проявившие себя в ходе операции по смене режима; затем технологическая схема корректируется и применяется по отношению к следующему государству и так далее. Процесс развивается по цепочке от одной страны к другой, в результате возникает цепная реакция, которая охватывает весь регион, в революционный процесс (или управляемый хаос) оказываются вовлеченными даже страны, демонстрировавшие эталон стабильности.

Переориентировав собственную миротворческую деятельность на управление международными конфликтами, США по-прежнему предпочитают использовать в «горячих точках» ресурсы и потенциал своих союзников, в первую очередь, по трансатлантическому блоку. В последнее время под нажимом Вашингтона руководство стран, входящих в НАТО, провели колоссальную работу по переформатированию основополагающих концепций и доктрин блока под ведение миротворческой деятельности. Прежде таким правом НАТО не

обладала; ее миссия сводилась к обороне стран-участников от возможной агрессии со стороны стран социалистического лагеря и участие в глобальном противостоянии. Теперь же НАТО получила законное право вмешиваться в локальные вооруженные конфликты в качестве миротворца; начался процесс оформления НАТО как нового международного института, призванного международным сообществом наравне с ООН регулировать политические отношения в зонах международных конфликтов, предлагая при этом свои форматы и процедуры их урегулирования и разрешения. Тем самым происходит несколько процессов: вытеснение традиционных институтов (ООН) миротворчества с главных ролей и замещение их вновь образованными (или получившими новое качество и звучание); проникновение (с последующей легитимизацией) в международную практику новых форм, процедур и технологий миротворческой деятельности, ориентированных на узкие интересы группы стран-союзников США и подменяющих содержание миротворчества как деятельности по разрешению конфликтов на близкие по звучанию, но ориентированные в англосаксонской идеологии категории управления международными конфликтами, ориентированные в первую очередь на получение преимуществ в новом глобальном противостоянии цивилизаций и сверхдержав.

Следует также отметить, что США применяют технологии управления международными конфликтами и вне рамок собственно миротворческой деятельности, когда считают себя достаточно сильными или нуждаются в конкретном результате в данной точке политического процесса. Наиболее яркими примерами могут служить недавние конфликты в Южной Осетии, Южном Судане, Ливии, а также цветные революции на пространстве СНГ и их попытках в странах, являющихся убежденными противниками курса США: например, «зеленая революция» в Иране. При этом Вашингтон либо ограничивается сухим комментарием о том, что это нужно в национальных интересах США, либо апеллирует к фактически признанному международным сообществом статусу индивидуального актора миротворческой деятельности, действующего в международном правовом поле на правах международного института.

Однако практика управления конфликтами наглядно демонстрирует, для США технологически и экономически выгодно заручаться формальной поддержкой международных институтов и приобретать для своих операций статус миротворческих везде, где только это возможно: здесь и возможность использования колоссальных ресурсов, накапливаемых мировым сообществом для разрешения конфликтов; и отличная легенда для консолидации союзников, использования их ресурсов и возложения на их плечи основной

части рисков, а в некоторых случаях ведение войны их руками; и передаваемые в распоряжение главы миротворческой миссии колоссальные каналы коммуникации, являющиеся средствами доведения до участников конфликтов управляющего психологического воздействия; но в первую очередь, это ресурс мимикрирования, маскировки своих истинных целей от внимания конфликтующих сторон и всего мирового сообщества в целом, обеспечение скрытости подготовки операции и эффекта неожиданности, что для любой операции информационно-психологической войны является главным условием успеха.

Европейские страны, в том числе ведущие государства Евросоюза – Франция и Германия, в возглавляемых США миротворческих операциях все же в большинстве своем проявляют тактику приспособленчества к диктуемым им со стороны Вашингтона условиям. Примеров этому много, начиная от поддержки операций в Ираке и Афганистане, успехе миссии Медведева-Саркози в Южной Осетии и заканчивая поминутно меняющимся отношением европейских стран к военной операции в Ливии. Везде европейцами в качестве исходных данных используется базовый сценарий, разработанный США, в котором европейцы пытаются найти свою нишу и пристроить свои технологии управления конфликтами, основанные на политическом маркетинге, в качестве сервиса к технологиям англосаксов. В тех случаях, когда найти такую нишу не удастся, европейцы изменяют само отношение к проблеме, формируя образ своего деятельного участия вразрез с некоторыми фактами объективной реальности. Однако этот существующий элемент ведомости европейцами остро осознается и обсуждается внутри ЕС, что является причиной начала формирования собственной орбиты в миротворческой деятельности.

В третьем разделе – **«Современные модели и концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях России, США и ЕС»** - рассматривается культурно-цивилизационный подход к современным моделям, методам и технологиям информационно-психологического управления международными конфликтами. В разделе анализируются концептуальные подходы к управлению международными конфликтами в миротворческих операциях России, США и государств Европейского Союза; основные (доминирующие) концепции управления международными конфликтами: культурно-цивилизационная, национально-государственная и системно-функциональная; модели управления международными конфликтами США и ЕС (западный вектор мировой системы культурно-цивилизационных моделей управления конфликтами); основные принципы формирования и базовые требования к российской модели управления

международными конфликтами, а также роль и место российской модели управления конфликтами в системе моделей доминирующих мировых цивилизаций. В разделе также исследуются актуальные проблемы конкуренции моделей управления конфликтами США и ЕС с восточным вектором мировой практики управления международными конфликтами: исламской и восточноазиатской моделями.

В разделе проведена классификация существующих в России подходов к управлению международными конфликтами, осуществляемых в рамках концепций «адекватного противодействия» и «системного управления», а также результаты их сравнительного анализа; выявлены основные сущностные черты и принципы функционирования российской национальной модели управления международными конфликтами, а также основные отличия российского подхода от англосаксонского и западноевропейского.

Для современных западных технологий управления международными конфликтами миротворческие операции являются сугубо рамочным фактором, с одной стороны, открывающим канал прямого информационно-психологического воздействия на сознание и психику участников конфликтов, с другой стороны, ограничивающим его пропускную способность (по отношению управляющего воздействия) и мощностное воздействие на конфликты особенностями официально признанных в миротворческой практике официальных процедур миротворческой деятельности (медиаторства, принуждения к миру, превентивной дипломатии и т.д.). Миротворческие операции придают технологиям управления международными конфликтами легитимную окраску, легенду прикрытия и официальный статус, то есть предоставляют их носителям законный повод для вмешательства в конфликт. Наличие такого повода по-прежнему считается обязательным во многих случаях и обеспечивает формальную поддержку международных институтов, по крайней мере, в начале операции по управлению конфликтом; кроме того, соблюдение этого правила игры, принятого в международных отношениях, формирует вокруг операции образ благородной миротворческой миссии, что упрощает решение задачи привлечения союзников и обеспечения поддержки миссии с их стороны собственными материальными ресурсами, международным авторитетом и живой силой.

В управлении международными конфликтами США и ведущие страны Евросоюза руководствуются собственными моделями внешнего управления – англосаксонской и романно-германской. Нередко в конфликтах они действуют в тандеме. Россия же еще только находится в начале формирования своей собственной модели управления международными конфликтами, основанной, в отличие от западных моделей, не на управлении самими

конфликтами, а на управлении более крупным объектом - процессом политической модернизации системы международных отношений и ее региональных конфигураций, полагая, что сами международные конфликты являются лишь частным, хотя и системным, проявлением этого процесса (за исключением искусственно инициированных сверхдержавами в борьбе за мировое господство).

В четвертом разделе – «Сравнительный анализ концепций управления международными конфликтами в современных миротворческих операциях России, США и ЕС» - содержатся результаты сравнения существующих сегодня в США, России и ЕС культурно-цивилизационных и национально-государственных моделей управления международными конфликтами, в ходе которого выявлены общие черты и различия в англосаксонском, западноевропейском и российском подходах к управлению конфликтами; конкретизированы принципы сочетания и взаимного дополнения базовых положений концепций в практике их совместного применения в миротворческих операциях; определены точки конфликтного соприкосновения различных концепций управления конфликтами в современных миротворческих операциях; выявлены общие закономерности формирования региональных конфигураций международных отношений в ареале действия моделей управления конфликтами. В разделе приводится оценка возможностей использования в российской модели отдельных положений западных парадигм управления конфликтами, доказавших свою эффективность в рамках собственных цивилизационных моделей.

Важными результатами применения к системе моделей управления конфликтами США, России и ЕС аппарата сравнительного политологического анализа стали новые положения, развивающие и модернизирующие культурно-цивилизационный подход к психологическому воздействию на международные конфликты, а именно:

- утверждение, что система из двух ведущих западных мировых моделей управления конфликтами, наиболее активно применяемых в миротворческих операциях, даже будучи дополнена двумя восточными моделями, не является полной и самодостаточной; в ней заложены точки конфликтного соприкосновения и скрытые системные риски, способные в условиях появления все более сложных форм конфликтов стать причиной новых кризисов миротворческой деятельности;

- вывод о том, что именно российская модель управления конфликтами обладает теми качествами, которые позволят компенсировать системные недостатки известных западных моделей. Войдя в систему мировых культурно-цивилизационных моделей, она способна придать ей необходимую сбалансированность и устойчивость. Более того, помимо

стабилизации, российская модель управления международными конфликтами несет функцию политической модернизации западного вектора, англосаксонских и романо-германских моделей, концепций и доктрин управления конфликтами, стимулируя их развитие и побуждая к поиску новых форм воздействия на конфликты.

На основании сформулированных в разделе выводов и заключений предложены практические рекомендации по дальнейшему совершенствованию Россией собственной модели управления международными конфликтами. Среди них – тезис о том, что эффективность российской модели может существенно вырасти, если в основу применяемых в ней технологий управления конфликтами положить принцип конструирования системы международных отношений в конфликтной зоне.

В параграфе 4.7 «Основные направления и перспективы развития современных концепций управления международными конфликтами» исследуется эволюция мировых концепций и моделей управления конфликтами в свете глобальной политической модернизации международных отношений; определяются перспективы и направления дальнейшего развития модели управления конфликтами США; формулируются прогнозы относительно окончательного формирования в концепции управления конфликтами Европейского Союза собственной орбиты в современных миротворческих операциях; в системе доминирующих моделей управления конфликтами изучаются тенденции к слияниям и поглощениям, а также исследуются перспективы выхода на мировую политическую арену латиноамериканской и африканской моделей управления конфликтами, находящихся сегодня на допарадигмальном уровне, но стремительно формирующих собственную культурно-цивилизационную идентичность.

Вопросы формирования и развития российской национальной модели управления конфликтами остаются в данной тематике исследований наиболее важными и приоритетными. Вместе с тем, среди российских ученых не утихают дискуссии о том, в каком именно направлении должны двигаться разработчики данной модели. Некоторые российские ученые и специалисты в сфере информационной политики и психологических операций считают наиболее приемлемой модель информационного противоборства, направленную на то, чтобы давать адекватный ответ на информационные атаки, нацеленные на Россию, в том числе и в локальных конфликтах. Но наряду с концепцией «адекватного ответа» на информационно-психологические атаки оппонентов в России существует и применяется стратегия информационно-психологического управления конфликтами, в том числе находящимися в фазе психологической войны. Конечно, технологии управления

конфликтами требуют мастерства, взвешенных оценок и реакций, но они ведут не к нарастанию конфронтации, а к снижению внешнеполитического напряжения и, в итоге, к мирному разрешению конфликтов.

Основное качественное отличие российского подхода к управлению конфликтами – поливариантность: в российской модели, помимо официальных государственных концепций и доктрин, в зависимости от конкретной политической ситуации могут использоваться и альтернативные концепции, превентивная и челночная дипломатия, а также практический опыт западных моделей, что определяет гибкость и оперативность ее реагирования на современные конфликты.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении диссертации формулируются основные выводы и результаты исследования, полученные лично автором: приводится авторская классификация современных методологических подходов США, России и ведущих стран Европейского Союза к исследованию роли и места современных моделей и технологий управления международными конфликтами в миротворческих операциях; даются оценки эффективности применения современных концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами в миротворческих операциях США, России и ведущих стран Европейского Союза; констатируются сходства и различия в англосаксонском, западноевропейском и российском подходах к управлению конфликтами; указываются точки конфликтного соприкосновения различных концепций управления конфликтами в современных миротворческих операциях; определяются пределы регулирующего воздействия на международные конфликты современных концепций, моделей и технологий внешнего информационно-психологического управления, применяемые в миротворческих операциях Соединенными Штатами, Россией и ведущими странами Евросоюза; формулируются проблемы и перспективы дальнейшего эволюционного развития западных концепций и моделей управления международными конфликтами в свете глобальной политической модернизации международных отношений; приводится классификация существующих сегодня в России подходов к регулированию международных конфликтов, осуществляемых в рамках концепций «адекватного противодействия» и «системного управления»; формулируются основные сущностные черты и принципы функционирования российской национальной модели управления международными конфликтами; определяются основные отличия российского подхода от англосаксонского и западноевропейского; предлагаются

рекомендации по дальнейшему совершенствованию Россией собственной модели управления международными конфликтами.

Исследование опирается на классификацию культурно-цивилизационных моделей информационно-психологического управления конфликтами, включающую англосаксонскую и романо-германскую модели. В миротворческих операциях каждая из этих моделей опирается на собственную цивилизационную парадигму урегулирования либо разрешения международных конфликтов: англосаксонская модель видит разрешение конфликтов в полной, принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон под свои нормы и стандарты; романо-германская модель исходит из того, что процесс разрешения конфликтной ситуации заключается в изменении взглядов его участников. Все эти модели сегодня эффективно работают в зонах международных конфликтов, нередко дополняя друг друга. Их общие черты и отличия рельефно проступают в сравнительном анализе.

В этой глобальной системе российская национальная модель управления международными конфликтами сегодня еще не обрела свой окончательный облик, но находится в стадии активного формирования, чему немало способствует активизация роли России на миротворческом направлении. В перспективе она сможет составить реальную конкуренцию и стратегическую альтернативу доминирующим сегодня западным моделям управления международными конфликтами.

В заключении также утверждается, что система из двух ведущих западных мировых моделей управления конфликтами, наиболее активно применяемых в миротворческих операциях, не является полной и самодостаточной; в ней заложены точки конфликтного соприкосновения и скрытые системные риски, способные в условиях появления все более сложных форм конфликтов стать причиной новых кризисов миротворческой деятельности. Напротив, российская модель управления конфликтами обладает теми качествами, которые позволяют компенсировать системные недостатки западных моделей. Войдя в систему мировых культурно-цивилизационных моделей, она способна придать ей необходимую сбалансированность и устойчивость. Более того, помимо стабилизации, российская модель управления международными конфликтами также несет функцию политической модернизации западного вектора, англосаксонских и романо-германских моделей, концепций и доктрин управления международными конфликтами. Процесс психологического воздействия на международные конфликты в российской модели становится процессом цивилизаторской модернизации существующей картины мира. В свете этих представлений

российское миротворчество дает мировому сообществу уникальный шанс выработать новые формы, механизмы и процедуры политического поведения в условиях распада ялтинско-потсдамской системы и нарастания степени хаотизации в международных отношениях.

IV. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в 45 работах автора общим объемом 82,7 п. л. Наиболее значимые из них:

Монографии и иные научные публикации:

1. Карпович О.Г. Актуальные проблемы и современные тенденции обеспечения национальной безопасности (сравнительный анализ). / О.Г. Карпович. – М.: ИГ «Юрист», 2012. – 224 с.: ил. (12, 2 п. л.).
2. Карпович О.Г. Исследование роли США и России в новом миропорядке. //Аналитический доклад. Под редакцией академика РАН С.М. Рогова. / О.Г. Карпович. - М.: ИСКРАН – 2011. – 5,52/0,3 п.л.
3. Карпович О.Г. Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях России, США и Европейского Союза. / О.Г. Карпович. – М.: ИГ «Юрист», 2011. – 488 с.: ил. (24,7 п. л.).
4. Карпович О.Г. Современные концепции и технологии управления международными конфликтами. / О.Г. Карпович. М.: ИГ «Юрист», 2010. – 373 с.: ил. (18,5 п. л.).
5. Карпович О.Г. Технологии управления международными конфликтами в системе государственной информационной политики России. / О.Г. Карпович. - М.: ИГ «Юрист», 2007. – 433 с.: ил. (22,9 п. л.).

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Карпович О.Г. Общеввропейская безопасность: утопия или реальная перспектива. / О.Г. Карпович. // Юрист. – 1997. - №12. – 0,4 п.л.
2. Карпович О.Г. Мирное урегулирование споров в рамках ОБСЕ. / О.Г. Карпович. // Юрист. – 1998. - №8. – 0,3 п.л.

3. Карпович О.Г. Сотрудничество и взаимодействие ОБСЕ с ООН, европейскими и трансатлантическими организациями по обеспечению безопасности в Европе. / О.Г. Карпович. // Юрист. – 1998. – №11-12. – 0,4 п.л.

4. Карпович О.Г. «Финиковые революции» на Ближнем Востоке и в Северной Африке: технологии «управляемого хаоса». / О.Г. Карпович. // Образование. Наука. Научные кадры. – 2011. - №4. – 0,3 п.л.

5. Карпович О.Г. Современные подходы США и Европейского Союза к управлению международными конфликтами. / О.Г. Карпович. // Право и безопасность. - 2011. - №3-4. - 0,7 п.л.

6. Карпович О.Г. Сравнительный анализ форматов моделей и технологий управления международными конфликтами США и ЕС и современных миротворческих операций. / О.Г. Карпович. // Национальная безопасность. - 2011. - №6. - 0,5 п.л.

7. Карпович О.Г. Современные концепции и модели управления международными конфликтами в миротворческих операциях России, США и Европейского Союза. / О.Г. Карпович. // Вестник российской нации. - 2011. - №6. - 0,7 п.л.

8. Карпович О.Г. Россия: проблемы выработки национальной стратегии политического управления современными конфликтами. / О.Г. Карпович. // Политика и общество. – 2011. - №8. – 0,4 п.л.

9. Карпович О.Г. Управление международными конфликтами во внешней политике России. / Карпович О.Г. // Мир и политика. - 2011. - № 10. – 0,5 п.л.

10. Карпович О.Г. Объекты внешнего управления: классификация и типология современных международных конфликтов. / О.Г. Карпович, А.В. Манойло. // Закон и право. – 2011. - №12. – 0,4 п.л.

11. Карпович О.Г. Конфликты цивилизаций и права человека. / О.Г. Карпович. // Юридический мир. – 2011. - №12. – 0,5 п.л.

12. Карпович О.Г. Технологии управления международными конфликтами в миротворческой деятельности и антитеррористических операциях США и НАТО. / О.Г. Карпович. // Политика и общество. - 2011. - №12. - 0,9 п.л.

13. Карпович О.Г. Культурно-цивилизационные отличия в концепциях, моделях и технологиях управления международными конфликтами на примере США и Европейского Союза. / Карпович О.Г. // Мир и политика. - 2012. - №1. - 0,75 п.л.

14. Карпович О.Г. Миротворческие операции США и Европейского Союза и роль технологий управления международными конфликтами в поддержании мира. / О.Г. Карпович. // Политика и общество. - 2012. - №1. - 0,9 п.л.
15. Карпович О.Г. Миротворческая деятельность США и англосаксонские технологии управления международными конфликтами. / О.Г. Карпович. // Национальная безопасность. - 2012. - №1. - 0,7 п.л.
16. Карпович О.Г. Вопросы прав человека в национальной безопасности США. / О.Г. Карпович. // Международное публичное и частное право. – 2012. - №1. – 0,4 п.л.
17. Карпович О.Г. Модели управления конфликтами. / О.Г. Карпович. // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. - №1. – 0,4 п.л.
18. Карпович О.Г. Внешняя политика и комплексы американского общества. / О.Г. Карпович. // Образование. Наука. Научные кадры. – 2012. - №1. – 0,3 п.л.
19. Карпович О.Г. Современные подходы США и Европейского Союза к управлению международными конфликтами. / О.Г. Карпович. // Право и безопасность. – 2012. - №1. – 0,7 п.л.
20. Карпович О.Г. Глобализация: вызов человеческой безопасности. / О.Г. Карпович. // Вестник Читинского государственного университета. – 2012. - №2. – 0,3 п.л.
21. Карпович О.Г. Кризис миротворчества и модели управления международными конфликтами России, США и Европейского Союза. / О.Г. Карпович. // Политика и общество. - 2012. - №2. - 0,9 п.л.
22. Карпович О.Г. Сравнительный анализ концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами России, США и Европейского Союза. / О.Г. Карпович. // Вестник российской нации. - 2012. - №2. - 0,5 п.л.
23. Карпович О.Г. Актуальные вопросы национальной безопасности. / О.Г. Карпович. // Закон и право. – 2012. - №2. – 0,4 п.л.
24. Карпович О.Г. Сущность и содержание современных концепций управления международными конфликтами в миротворческих операциях США и ЕС. / О.Г. Карпович. // Вестник российской нации. - 2012. - №3. - 0,75 п.л.
25. Карпович О.Г. Конфликты цивилизаций и современные геополитические реалии. / О.Г. Карпович. // Закон и право. - 2012. - №3. – 0,2 п.л.
26. Карпович О.Г. Роль и функции конфликтов в мировом политическом процессе. / О.Г. Карпович. // Образование. Наука. Научные кадры. – 2012. - №3. – 0,5 п.л.

27. Карпович О.Г. Методологические подходы к исследованию роли политических технологий в управлении международными конфликтами. / О.Г. Карпович. // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. - №3. – 0,2 п.л.

28. Карпович О.Г. Политика невоенного разрешения конфликтов. / О.Г. Карпович. // Закон и право. – 2012. - №4. – 0,4 п.л.

29. Карпович О.Г. Классификация технологий информационно-психологического воздействия на международные конфликты. / О.Г. Карпович. // Закон и право. – 2012. - №5. – 0,3 п.л.

30. Карпович О.Г. Эффективность воздействия технологий управления конфликтами в современных локальных войнах. / О.Г. Карпович. – Закон и право. – 2012. - №6. – 0,3 п.л.

КАРПОВИЧ Олег Геннадьевич

**СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОНФЛИКТАМИ
В МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ**

**АВТОРЕФЕРАТ диссертации
на соискание ученой степени доктора политических наук**

Подписано в печать: 18.04.12

Объем: 1,5 усл.л.л.

Тираж: 100 экз. Заказ №288

Отпечатано в типографии «КопиПринт»

105064, г. Москва, Земляной вал, 24/32

(495) 662-63-30; www.copyprint.ru